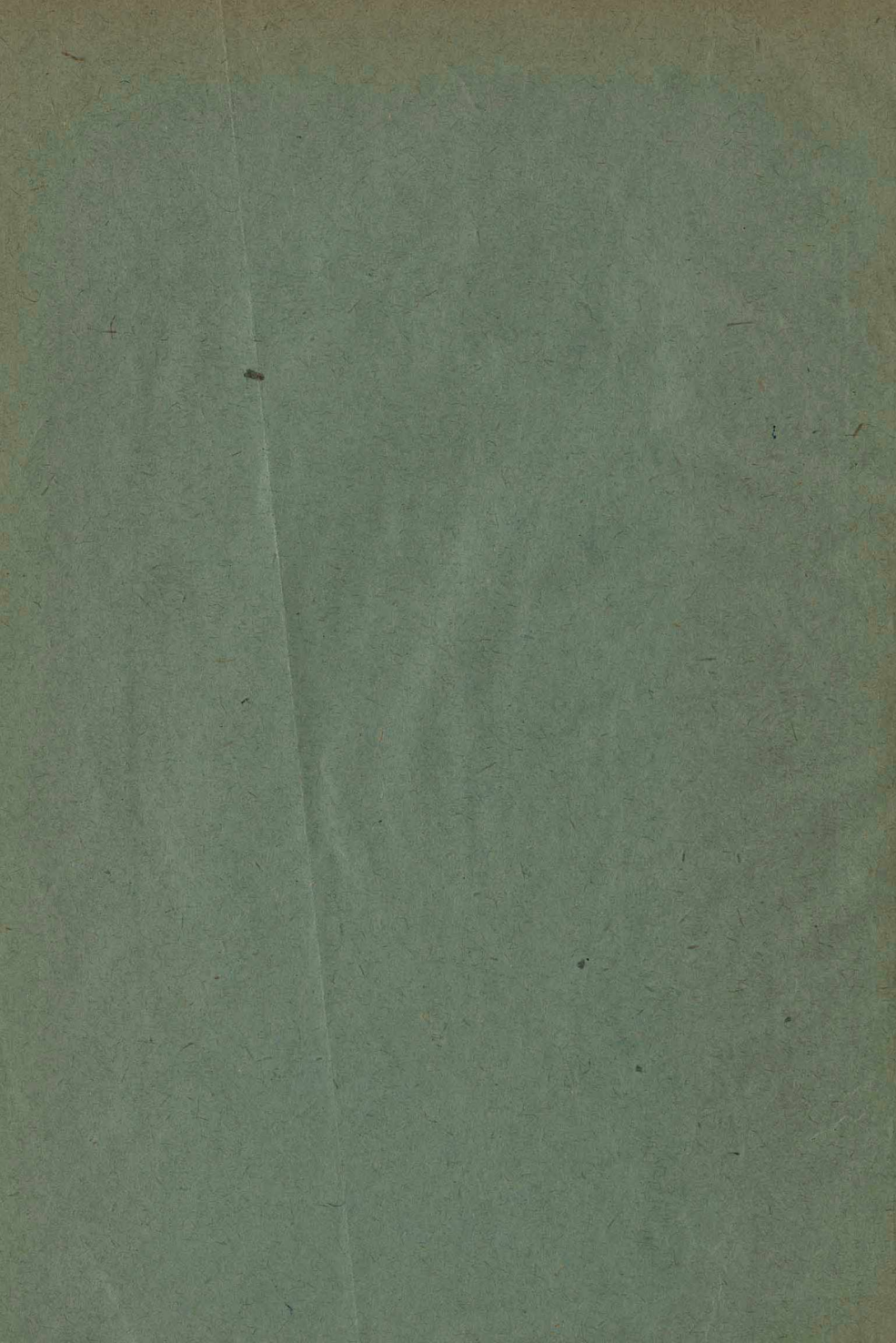

РОЗЕНБЕРГ

МЕРКАНТИЛИЗМ

СОЦ. ФИЛОС. ОСНОВЫ
ФИЗИОКРАТИЧ. СИСТЕМЫ

R 149
139

149
139
С. РОЗЕНБЕРГ

Ф 1-64
10157

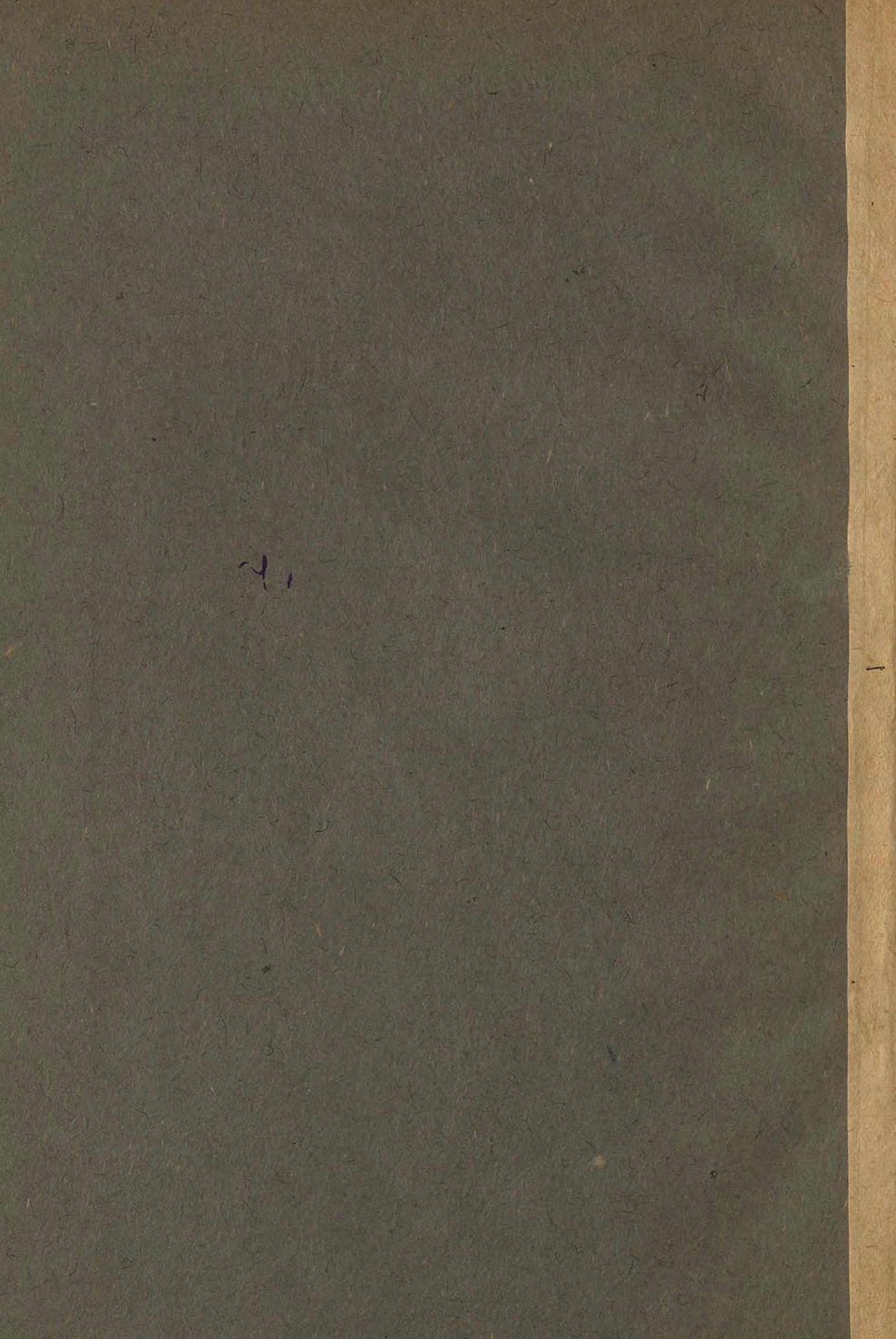
МЕРКАНТИЛИЗМ И СОЦИАЛЬНО-
ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ
ФИЗИОКРАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

О Ч Е Р К
ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

И Р К У Т С К

Издание Иркутского Университета

1927

Р 149
139

С. РОЗЕНБЕРГ

МЕРКАНТИЛИЗМ И СОЦИАЛЬНО-
ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ
ФИЗИОКРАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

О Ч Е Р К
ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

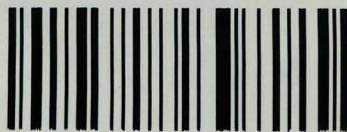

И Р К У Т С К

Издание Иркутского Университета.

1 9 2 7

Окрлит. № 619.
Типогр. изд. „Власть Труда“
И р к у т с к.
Заказ № 3001. Тираж 150.

2011096997

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Введение	3
Гл. I. Сущность меркантилистической системы	7
Гл. II. Два периода в развитии меркантилистической системы	14
Гл. III. Роль покровительственных пошлин в меркантилистической системе	18
Гл. IV. Торговые договоры и борьба за мировой рынок	21
Гл. V. Регламентация производства при меркантилизме	23
Гл. VI. Меркантилистические взгляды в литературе	26
Гл. VII. Итоги	35
Гл. VIII. Реакция против меркантилизма в Англии	39
Гл. IX. Экономическое положение Франции 18-го века	49
Гл. X. Предшественники физиократов	60
Гл. XI. Возникновение и развитие физиократической системы	69
Гл. XII. Социально-философская основа физиократической системы	75

Настоящая статья представляет собою первую часть работы под названием: „меркантилисты и физиократы“. Вторая часть—учение физиократов—совершенно готова к печати, но за недостатком места не могла быть напечатана в настоящем сборнике.

Меркантилизм и социально-философские основы физиократической системы.

(Очерк из истории экономической мысли).

ВВЕДЕНИЕ.

Экономическая система физиократов, как вообще все экономические и общественные доктрины XVIII века, вытекает непосредственно из критики существовавшего тогда во Франции социально-экономического строя. Социально-экономические интересы определенной эпохи сознательно или бессознательно находят свое выражение в научных взглядах той или иной системы. „В таких—говорит М. Ковалевский—повидимому, отвлеченных трактатах, как «Дух законов» или «Рассуждение Руссо об источнике неравенства», поднимались и так или иначе решались не одни только общечеловеческие вопросы, но и те, которые составляли злобу дня, предмет ежечасных забот, если не правительства, то общества»¹. В еще большей степени это применимо по отношению к физиократической системе. Даже самые отвлеченные рассуждения физиократов теснейшим образом связаны с борьбой против господствовавшей в то время социально-экономической системы. Физиократы искали не отвлеченную истину, а средства к поднятию благосостояния страны. Система физиократов возникла из борьбы против меркантилистической системы. Каждое положение, каждый тезис этой школы направлен своим острием против кольтертизма—французской разновидности меркантилизма. Физиократы развертывают свою систему в процессе критики меркантилистических взглядов. На самом деле, их рассуждения о ценности,

¹ М. Ковалевский „Происхождение современной демократии“, т. I, 1895 г., стр. 337.

деньгах, торговле, налоговой системе, валовом и чистом доходе и т. д.—все эти рассуждения имеют своей целью доказать ошибочность меркантилистических взглядов. Поэтому исследование сущности физиократической системы невозможно без ознакомления со взглядами меркантилистов. Правда, представления последних о движущих силах хозяйственной деятельности людей не связаны в определенную, стройную систему. Однако, меркантилизм есть первая попытка систематизировать практические мероприятия, необходимые для первых шагов деятельности зарождающейся буржуазии. Меркантилизм соответствует раннему периоду—детству капиталистической системы, тому периоду, когда буржуазия могла выступить пионером нового хозяйственного строя только в союзе с сильной централизованной королевской властью. Отсюда—опека государства над хозяйственной деятельностью, вмешательство путем регламентов, таможенных тарифов и торговых договоров в область торговли и промышленности. Физиократическая же система есть теоретическое выражение интересов и нужд буржуазии на второй ступени развития капиталистической системы. Если меркантилизм отвечал тому периоду, когда торгово-промышленный класс был слаб, то физиократизм, наоборот, есть выражение сознания экономической силы и самостоятельности буржуазии¹. Последняя, окрепши и научившись ходить при помощи „меркантилистических костылей“² стала тяготиться государственной опекой и регламентацией. В эпоху меркантилизма, т. е. до начала XVIII ст. государство рассматривало развитие промышленности лишь как средство для своего политического преобладания над другими странами. Экономическая конкуренция была, главным образом, орудием политической конкуренции. Интересы буржуазии рассматривались сквозь призму интересов королевской власти³.

Так было до XVIII века. Но XVIII век — век чреватый промышленной революцией—выпятил на авансцену интересы и нужды промышленности и, следовательно, буржуазии, как самоцель. В начале XVIII ст. капиталистическая система выросла уже из меркантилистических „пеленок“; ей нужна была сво-

¹ Понятно поэтому почему торговая буржуазия раньше всего начала борьбу с королевской властью в Голландии. Там она окрепла и стала на ноги раньше, чем в остальных странах.

² Кольбер—министр Людовика XIV, проводивший меркантилистическую систему во Франции, называл покровительственные пошлины „костылями“ отечественной промышленности.

³ Французское так назыв. третье сословие с гордостью называло себя „королевской буржуазией“.

бода хозяйственной деятельности. «Laissez faire, laissez passer» — вот лозунг буржуазии XVIII века¹.

В эпоху господства меркантилизма сферой деятельности буржуазии был обмен, обращение продуктов, созданных, главным образом, в феодальной обстановке натурального хозяйства. „Надо принять во внимание, говорит К. Маркс, что в современную им (т. е. меркантилистам С. Р.) эпоху большая часть национального производства обращалась еще в феодальных формах и служила непосредственным источником потребления самих производителей. Продукты не превращались по большей части ни в товары, ни в деньги, не входили вообще во всеобщий обмен веществ... и не составляли в действительности буржуазного богатства“². До тех пор, пока буржуазия господствовала лишь в сфере обращения, господствовали в умах меркантилистические взгляды. Но как только буржуазия стала проникать в сферу производства, революционизируя и преобразовывая ее — ей тесно стало в рамках все охватывающей и все регулирующей государственной опеки. Для овладения производственными процессами требовалась полная *свобода действий*. И понятно, что она уже не может ограничиваться отдельными, разрозненными меркантилистическими рассуждениями о торговле, деньгах и т. п. Нужна стройная научная система, которая обосновала бы необходимость этой свободы действий. И такая система была создана, система, которая доказала необходимость свободы конкуренции, исходя из естественных законов, установленных божественной властью. Это — система физиократов во Франции и А. Смита в Англии.

Меркантилисты являются представителями той буржуазии, которая *начала только* борьбу против феодальных производственных отношений. Физиократы родились на грани двух эпох: феодальной и капиталистической. Они являются идеологами той буржуазии, которая вела уже борьбу с *остатками* феодального способа производства. „Меркантилисты — говорит А. Миклашевский — были, если можно так выразиться, повивальными

¹ Предание сообщает, что в 1680 г. Кольбер после поражения в войне с Нидерландами созвал съезд купцов и промышленников для обсуждения мероприятий, необходимых для поднятия хозяйства страны. Представитель купечества Лежандр будто бы заявил, что лучшим средством для этого является предоставление свободы торговли.

См. А. Онкен. Истор. полит. экон. до А. Смита пер. под ред. Бернацкого. 1908 г., стр. 254.

² К. Маркс. „К критике некоторых положений политической экономии“, пер. П. Румянцева, под ред. А. Мануилова, 1896 г., стр. 130.

бабками нарождающегося капитализма; физиократы—его крестными отцами¹. Ниже мы постараемся выяснить, почему неизбежная реакция против меркантилизма вылилась во Франции в физиократическую систему, а в Англии она приняла другую форму.

¹ А. Миклашевский. „История полет. эконсмии“. Юрьев. 1909 г. стр. 132.

I.

Меркантилизм, как система хозяйственной политики, господствовал в Европе с XV¹ до середины XVIII века, при чем около половины XVII века он достиг высшей ступени своего развития и значения. С легкой руки А. Смита утвердился взгляд, что основным решающим признаком меркантилизма является отождествление денег с богатством. Такой взгляд, как мы покажем это ниже, не верен. Вообще нам кажется, что при оценке меркантилизма, как системы экономической политики, необходимо исходить из тех экономических условий, которые ее создали. Это во-первых. А во-вторых, нельзя рассматривать меркантилизм, как застывшую систему, характеризующуюся определенными положениями. В меркантилизме мы должны различать, по крайней мере, две фазы развития, обусловленные различной степенью развития торговли. Развитие и расширение торговых сношений неизбежно должно было наложить свой отпечаток на меркантилизме и видоизменить его². Глубоко

¹ М. Вебер считает началом меркантилистического периода середину XV века. Он говорит: „моментом решительного поворота к последнему (т. е. меркантилизму С. Р.) надлежит считать 1440 год, когда был издан (в Англии С. Р.) один из многочисленных Statutes of employments, направленных на борьбу с переживавшимися экономическими затруднениями“, см. М. Вебер. „История Хозяйства“ перев. под редакц. Гревса. 1923 г., стр. 218.

² Ингрэм по этому поводу философствует, и, становясь в позу скептика, говорит: „часто спрашивают: под чьим влиянием возникла меркантилистическая система; вызвано ли ее существование практической жизнью или теоретическим мышлением. На такой вопрос—отвечает он глубококомысленно—дать положительный ответ невозможно“. См. Д. Ингрэм. Ист. полит. экон., изд. II перев. А. Миклашевского. 1897 г., стр. 57. Но на этот вопрос можно дать определенный ответ: меркантилистическая система вызвана именно—„практической жизнью“. Меркантилистическая система представляет из себя совокупность мероприятий, направленных на развитие торговли и промышленности данной страны.

прав А. Миклашевский, который заявляет: „меркантильная доктрина имеет свою долгую и поучительную историю... Среди меркантилистов можно подметить великое разнообразие всяких течений и их доктрина значительно усложняется по мере развития самой экономической жизни... Меркантилисты как бы следуют в своих учениях за самим процессом развития экономической жизни“¹. При таком, если можно так выразиться, диалектическом подходе к анализу меркантилизма невозможно квалифицировать его, как простое заблуждение и просто ложную теорию“², как это делает А. Смит. Меркантилистическая практика варьировалась в различных странах в зависимости от целого ряда различных факторов. Меркантилизм в Англии, Франции и Голландии значительно отличается друг от друга.

Что же является основным положением меркантилизма? Нам кажется, что характерным моментом для всего меркантилизма является *утверждение, что богатство одной нации может увеличиться только за счет уменьшения его у другой посредством внешней торговли.*

Все остальные положения являются производными и вытекают из этого основного. На самом деле, чтобы присваивать себе посредством внешней торговли определенную часть прибавочного продукта других стран, необходимо было регулировать торговлю и промышленность, необходимо было следить за тем, чтобы колонии вели торговые сношения исключительно с метрополией для ее обогащения. Отсюда—колониальная политика, очень распространенная при меркантилизме. Отсюда—навигационные акты и таможенные тарифы. Мореходство играет большую роль во внешней торговле, поэтому обращали сугубое внимание на его развитие, на расширение и укрепление торгового флота. Открытие Америки вызвало усиленный поток серебра и золота в Европу. Поэтому нет ничего удивительного в том, что богатство отождествляется у меркантилистов с деньгами. При переходе к денежному хозяйству продукты, попадая в сферу обращения, принимают форму денег—воплощения меновой стоимости. Отсюда смешение денег с богатством. Мы уже сказали выше, что буржуазия в этот период была еще слаба для осуществления этой важной задачи, т. е. для увеличения богатства страны. Поэтому она вынуждена была прибегать к помощи государственной организации. Отсюда регламенты и ограничения, устанавливаемые государственной властью в области торговли и промышленности Внеш-

¹ Миклашевский, А. цитир. сочинение, стр. 129.

² К. Маркс. „К критике“... стр. 131.

няя торговля связана с усиленной конкурентной борьбой. Но последняя велась не отдельными частными лицами, а государствами. Поэтому экономическое преобладание одной нации над другой достигалось не столько экономическими мероприятиями, сколько чисто военно-политическими. Но в военном деле решающую роль играет численность армии. Отсюда то большое значение, которое придавалось тогда густому населению.

Немецкий экономист В. Рошер считает, что меркантилизм характеризуют следующие положения: 1) Стремление придавать чрезмерное значение большому запасу драгоценных металлов; 2) стремление превозносить иностранную торговлю перед внутренней, обрабатывающую промышленность перед добывающей; 3) стремление придавать слишком большое значение густому населению, как элементу национальной силы и 4) стремление прибегать к деятельности власти для *искусственного достижения* желательных целей¹.

Рошер правильно подметил все черты меркантилистической системы,² но он не показывает нам, какое из этих положений является важнейшим и решающим. Он не дает нам никакого социально-экономического анализа, из которого вытекала бы необходимость приведенных выше положений. Решающим и основным во всей меркантилистической системе является, как сказано нами выше, положение, что богатство одной нации может возрастать только за счет уменьшения его у другой нации. **В этом положении заключается сущность меркантилизма.** Для того, чтобы это доказать, необходимо вскрыть социально-экономические корни меркантилизма. Нам станет тогда ясно, почему мы считаем этот момент решающим.

Мы уже сказали выше, что меркантилизм—система взглядов, отвечавших первому периоду развития капитализма. Меркантилизм складывался в обстановке переходной, когда хозяйство Европы переходило с рельсов натурального хозяйства на новые—денежные. Расширились меновые отношения, но способ производства остался без изменения. Производственная основа осталась прежняя. Но пионеры капитализма—торговые капиталисты, должны были доказать, что переход к новой системе выгоднее. Они должны были доказать, что новый хозяйственный порядок, носителями которого они являлись, приведет к расширению хозяйственной базы, к возрастанию бо-

¹ W. Roscher. Geschichte der nationalen Oekonomie in Deutschland. стр. 228.

² Эта рошеровская схема считается общепризнанной и переходит из учебника в учебник в международном масштабе. Мы находим ее у Ингрэма (цит. соч., стр. 53) и у других.

гатства страны. Но как этого добиться при сохранении старой производственной системы? Остается одна область—торговля—это посредствующее звено между производством и потреблением. „Собственно буржуазной экономической сферой—говорит К. Маркс— была в то время сфера товарного обращения“¹. Только через торговлю могла буржуазия тогда воздействовать на производство, превращая его постепенно в товарно-капиталистическое. „На основе всякого способа производства—говорит К. Маркс—торговля благоприятствует созданию избыточного продукта, предназначенного войти в обмен для того, чтобы увеличить потребление или сокровища производителей... Следовательно, она придает производству характер производства, все более имеющего своей целью меновую стоимость“². И разумеется, что внутренняя торговля, т. е. перемещение продуктов из феодальной деревни в город, и из одного хозяйства в другое вообще, не могла увеличить богатства страны. Посредством внутренней торговли происходит только перемещение богатства из рук одной группы общества в руки другой³. Остается одна внешняя торговля. Продукты, вывозимые за-границу, продаются с надбавкой к себестоимости. Таким образом, приращение богатства в рамках национального хозяйства становится наглядным. Отсюда — «Profit upon alienation», т. е. прибыль от отчуждения. Отсюда положение меркантилистов, что прибавочная стоимость создается в сфере обращения, а именно: во внешней торговле. „Первое понимание ее (т. е. прибавочной стоимости С. Р.)—говорит Ф. Энгельс—было пониманием, вытекавшим из непосредственной купеческой практики: прибавочная стоимость образуется от надбавки к стоимости продукта. Этот взгляд преобладал у меркантилистов“ (Ф. Энгельс. Предисловие к II т. „Капитала“ К. Маркса. 1918 г. стр. XVIII). Отсюда учение о торговом балансе, как о краеугольном камне экономической политики, могущей обогатить страну. А. Онкен по этому поводу говорит: „Место мировой политики уравниения, свойственной средним векам, занимает взаимное соперничество национальных государств, при чем каждая часть стремится выиграть на счет другой в материальном и политическом преобладании, двух обуславливающих друг друга факторах... Торговый баланс—единственная догма, которую выставила система меркантилизма. Это основное понятие,

¹ К. Маркс „К критике“... стр. 131.

² К. Маркс.—„Капитал“, т. III, ч. 1, 1923 г., стр. 309.

³ Таким путем переходила большая часть прибавочного продукта от крестьян и ремесленников в руки скупщиков — представителей торгового капитала.

которое определяет собою всю теорию и вместе с тем это центральный вопрос, которым занимается вообще крайне богатая литература этой эпохи“¹.

Итак, характерной чертой меркантилизма является торговый баланс, т. е. система мероприятий, направленных на то, чтобы вывоз превышал ввоз. Но превышение вывоза над ввозом вообще может быть определено лишь посредством денег, как мерила стоимости. Отсюда отождествление денег с богатством. И это отождествление неизбежно вытекало из хозяйственной обстановки того периода. На самом деле, весь процесс производства рассматривался купцом с точки зрения обращения. Все хозяйственные акты преломляются у него через призму обращения товаров. Торговец-скупщик отдален от производства. Он стоит в сфере обращения, где материальные продукты принимают форму меновой стоимости. Обмен веществ в эпоху торгового капитала принимает форму $D-T-D_1$, а купец является воплощением этого D . В его руках T моментально превращается в меновую стоимость D , которая должна принести ему приращение D —прибыль. Ясно поэтому, что имущество, богатство вообще, принимает у представителей торгового капитала форму денег—драгоценных металлов. Анализируя процесс образования купеческого капитала, Маркс говорит: „Но какова бы ни была общественная организация в тех сферах производства, товарообмен между которыми обслуживается купцом, его имущество всегда существует, как денежное имущество, и его деньги постоянно функционируют, как капитал. Форма этого капитала постоянно одна и та же $D-T-D$; деньги—самостоятельная форма меновой стоимости, исходный пункт и увеличение меновой стоимости—самостоятельная цель. Самый товарный обмен и обуславливающие его операции—обособленные от производства и совершаемые не производителями—суть лишь средство увеличения, увеличения не просто богатства, но богатства в его всеобщей общественной форме, богатства как меновой стоимости“².

Таким образом, мы видим, что само отождествление денег с богатством может быть понято только исходя из анализа социально-экономической сущности меркантилизма. Понятно теперь, почему меркантилисты считали, что основная цель экономической политики государства заключается в накоплении денег.

¹ А. Онкен. Цит. сочинение, стр. 157—158.

² К. Маркс. „Капитал“, том III, часть 1-ая, 1923 г., стр. 310 (курсив наш С. Р.).

Эту идею — идею торгового баланса мы находим у всех меркантилистов. Миссельден, который — по мнению Янжула — первый дал систематическое изложение основ меркантильной системы, по этому поводу говорит: „Когда торговля процветает, королевский доход увеличивается, земли и ренты улучшаются, судоходство увеличивается и бедный люд находит работу. С упадком же торговли все это падает“¹. Аналогичные рассуждения по этому вопросу мы находим у Т. Мэна — самого авторитетного меркантилистического писателя. „Обыкновенное средство—говорит он—к увеличению нашего богатства и наших сокровищ есть иностранная торговля, в которой всегда мы должны держаться того правила, чтобы ежегодно продавать иностранцам своих товаров на большую сумму, чем мы потребаем их товаров. Эту же мысль Мэн разъясняет на примере. Он продолжает: „Потому, предположим, что наше королевство имеет в избытке сукна, олово, свинца, железа и друг. местных продуктов и мы ежегодно вывозим этот избыток в чужие страны на сумму в двадцать две сотни тысяч фунтов. Через это мы получаем возможность купить за морем иностранных товаров для нашего потребления, положим, на двадцать таких сотен, и тогда королевство делается богаче в один год на остальные две сотни, которые *должны быть возвращены домой не иначе, как деньгами*“².

Мы привели эту длинную цитату для того, чтобы доказать, что по Мэну увеличение богатства страны на 200 фунтов стерлингов возможно только за счет другой нации, посредством внешней торговли. Значит, для Мэна самым важным моментом является приращение богатства страны. Но т. к. богатство в сфере обращения принимает форму денег, то он требует, чтобы оно вернулось домой „не иначе, как деньгами“.

Еще отчетливее эта мысль выражена у Д'Эвенента. Он говорит: „Когда продукты потребляются внутри страны, один выигрывает только то, что теряет другой, и *нация вообще совсем не обогащается, но все, что потребляется за границей, представляет явную и верную прибыль*“³. В другом месте он говорит: „Торговля, которая ограничивается только нами

¹ Edward Misselden. «Free Trade or the Means to make trade flourish» etc. Цитировано по Янжулу „Английская свободная торговля“, вып. 1-й—„Период меркантильный“. 1876 г., стр. 60.

² Thomas Man. «Englands treasure by foreign trade or the balance of our foreign Trade is the rule of our treasure». 1713 г., стр. 6. См. у Янжула, цит. сочинение, стр. 76. (Курсив наш С. Р.).

³ Ch. d'Avenant и Essay on the East India trade etc. Лондон, 1697, стр. 31. Курсив наш. цит. по Маркву „Теор. приб. ст., вып. 1-й, 2-ое изд. 1922 г., стр. 22.

(Англией), представляет мало выгоды для страны... Только внешняя торговля представляет крупный интерес и является важным государственным делом¹.

Следовательно, и для д'Эвенента прибыль, т. е. приращение богатства страны, получается только посредством внешней торговли.

Итак, мы выяснили, что основным и решающим является для меркантилистической системы утверждение, что только через внешнюю торговлю может обогатиться страна. Меркантилистическая экономическая политика стремилась к превращению вывоза над ввозом только потому, что это дает возможность привлечь в страну часть капитала из за-границы в виде денег. Но ошибочно будет делать отсюда вывод, будто меркантилисты считают, что богатство состоит исключительно из золота и серебра, как это делает А. Смит², а за ним все экономисты, за исключением А. Онкена. А. Смит изображает меркантилистов, как наивных людей, зараженных обывательскими представлениями о деньгах и капитале. Вот какое представление о деньгах А. Смит навязывает меркантилистам:

„Мы, говорит он—ежеминутно чувствуем, что главное дело состоит в том, чтобы иметь деньги; если мы обладаем ими, то при всякой другой покупке мы не можем встретить никакого затруднения... Обогатиться, значит приобрести деньги; словом, на обыкновенном языке богатство и деньги составляют совершенно равнозначущие слова“³.

Т. Мэн считает, что вывоз денег является средством для увеличения богатства страны, их вывозящей. „Деньги—говорит Мэн—создают торговлю, а торговля увеличивает деньги. Поэтому, чем больше денег пускать в оборот, тем лучше. Если, приобретая некоторое количество денег через торговлю, мы и решимся сохранять их в государстве, то заставит ли это другие нации потреблять наших товаров больше, чем прежде, и наша торговля оживится ли и расширится? Конечно, нет. Такого благого действия не произойдет; скорее даже можно ожидать противоположного потому, что все согласятся, что изобилие денег в стране делает национальные продукты дороже для иностранцев, которые и перестают их потреблять“⁴.

¹ Цит. по Марксу, там-же.

² А. Смит. „Исследов. о прир. и прич. бог. нар“. т. II, кн. IV, пер. Бибикова 1866 г., стр. 226.

³ А. Смит. Там же.

⁴ Цитировано по Янжулу, стр. 78.

Из этой цитаты видно, насколько ошибается Смит, приписывая всей меркантилистической системе в целом взгляд, что богатство состоит исключительно из золота и серебра. Глубоко прав поэтому Маркс, говоря: „Не следует представлять себе этих меркантилистов такими глупыми, как какими их изображали впоследствии вульгарные сторонники свободной торговли“¹. Для иллюстрации своей мысли Маркс приводит следующую цитату из сочинения д'Эвенента! „Золото и серебро—говорит д'Эвенент—действительно служат мерилом торговли, но источником ее происхождения у всех народов являются естественные и искусственные произведения страны, т. е. то, что производит ее земля, ее труд и ее промышленность... *Так-что истинное и действительное богатство страны—ее собственные произведения*“².

Итак, отождествление денег с богатством не является решающим признаком меркантилизма.

II.

Посмотрим теперь, какие мероприятия принимались для того, чтобы достигнуть основной цели—увеличения богатства страны—на всем протяжении господства меркантилистической системы.

Мы сказали выше, что меркантилизм нельзя рассматривать как неподвижную и застывшую систему, что надо различать в меркантилизме, по крайней мере, две фазы развития: 1) систему денежного баланса и 2) систему торгового баланса. Проследим эти этапы развития меркантилистической системы на экономической истории Англии. В царствование Ричарда II (1377—1405 г.) король обратился к лондонскому купечеству с вопросом, какие меры необходимы для поднятия благосостояния страны. Лондонское купечество ответило: „Мы должны стараться покупать у иностранцев менее, чем продавать“. Для осуществления этого принципа установлена была система торговой политики, которую Янжул называет **системой денежного баланса**. При этой системе деятельность государства была направлена на то, чтобы получить излишек денег от каждой торговой сделки с иностранцем. Поэтому в ранний период раз-

¹ Маркс „К теор. приб. ст.“, вып. I, стр. 22. Думаем, что это замечание Маркса может быть отнесено и к А. Смиту, хотя Маркс не считает его „вульгарным сторонником свободной торговли“.

² Д'Эвенент Discourses on the publick Revenues“, стр. 15 приведено у Маркса цитированное сочинение, стр. 22.

вития меркантилизма в Англии вывоз денег был абсолютно запрещен¹. Эта система преследовала двоякую цель. Во-первых, привлечь в страну побольше монеты из за-границ и, во-вторых, не выпускать из страны уже имеющиеся в ней деньги. Для осуществления первой цели были устроены так называемые складочные места (Staple Towns). Туда англичане доставляли свои товары.

„Чтобы извлекать выгоду из этой торговли и контролировать ее, были учреждены особые корпорац-ии из мэра, кон-стэблей и братства склада, которые должны были исполнять две обязанности: во первых, смотреть за правильностью сбора пошлин, подлежащих королю при вывозе шерсти; во-вторых, следить за тем, чтобы часть уплачиваемых денег при всякой отдельной продаже состояла из монеты или металла, которые предназначались для ввоза в Англию. Пропорция этой уплаты разнилась время от времени, но всегда была регулирована“². Более сложный аппарат требовался для того, чтобы удержать деньги в стране. Важнейшим средством для достижения этой цели считался так называемый „статут истрачения“, который состоял в том, чтобы всякий иностранец, ввозящий товары в Англию, покидая ее, „истратил“ бы полученные деньги на покупку английских товаров и не вывозил бы из Англии денег. Для выполнения требований этого статута был установлен строгий надзор за приезжающими иностранными купцами. Последние должны были состоять под надзором известных людей, называемых „хозяевами“. Они должны были следить за тем, чтобы их „гости“—так назывались иностранные купцы—продали все свои товары в течение 8-ми месяцев и употребили бы выр-ученные деньги на покупку английских товаров. „Хозяин, го-ворит Янжул, должен вести точный список в отдельной книге всякой продаже и покупке, совершенной иностранцем: копию с этой книги он посылал два раза в год, на Святой и в Михай-лов день, в казначейство... Если же последний (т. е. иностран-ный купец—С. Р.) при в'езде в Англию избегал брать хозяина или был относительно его непослушен, то сажался в тюрьму или подвергался иному наказанию“³. Во второй половине XVI ст. вместо „хозяев“ надзор за иностранными купцами выполнял штат государственных чиновников.

Для того, чтобы иностранцы покупали английские то-вары и не вывозили бы денег из страны, необходимо было ре-

¹ Упрек в грубом, наивном смешении денег с богатством может быть с оговоркой отнесен лишь к этой фазе развития меркантилизма в Англии.

² Янжул. Цит. сочинение, стр. 6.

³ Там-же, стр. 10.

гулировать производство, следить за качеством и формой вырабатываемых продуктов. Вот почему еще в этот период развития меркантилизма государство начинает регулировать процесс производства при помощи регламентов и запрещений.

Система денежного баланса соответствовала раннему периоду меркантилизма, когда торговые связи между Англией и другими странами были незначительны. Но с середины XVI ст. положение изменяется. Географические открытия конца XV в. должны были вызвать переворот в торговле и расширить международный обмен. Не подлежит никакому сомнению,—говорит Маркс—что великие революции, происшедшие в торговле в XVI и XVII веке после Географических открытий и быстро продвинувшие вперед развитие купеческого капитала, составляют главный момент в ряду тех, которые содействовали приходу феодального способа производства в капиталистический. Внезапное расширение мирового рынка, умножение обращающихся товаров—все это существенным образом содействовало разрушению феодальных рамок производства¹. В Англии внешняя торговля в XVI веке значительно возросла. К концу XVI века ее внешняя торговля увеличилась в 4—5 раз в сравнении с торговлей начала XVI века. „В XVI ст.—говорит Гиббинс—было положено основание коммерческой предприимчивости и морской торговле англичан... В продолжении всего XVI века, и особенно в конце его, английские внешние торговые сношения развивались так быстро, как никогда, и в этот период были положены основания громадной мировой торговле настоящего времени“². С середины XVI века в царствование Елизаветы (1533—1603 г.) начинается борьба Англии против Ганзы, закончившаяся закрытием в 1598 году ганзейского склада товаров в Лондоне. Этим был нанесен сокрушительный удар Ганзейской торговле. Но Англия боролась не только против Ганзы. Она стремилась к господству в мировой торговле. В конце XVI ст. торговое могущество Антверпена перешло к Лондону. С момента гибели Армады (громадный флот, посланный к берегам Англии Филиппом II) Лондон „сделался главным европейским рынком, где можно было найти рядом с новыми сокровищами Америки разные продукты Европы и Востока“³.

Разумеется, что с расширением и усложнением торговых связей Англии с иностранцами неизбежно должна была изме-

¹ К. Маркс. „Капитал“, т. III, ч. 1-ая, гл. 20, стр. 317.

² Г. Гиббинс. „Промышленная история Англии“, пер. А. Каменского, 1898 г., стр. 85—86.

³ Гиббинс. Цит. сочинение, стр. 91.

ниться ее торговая политика. „Понятно, говорит Янжул, что при новых условиях исключительная торговая политика Англии не могла не подвергнуться многим изменениям. При системе денежного баланса самый строгий правительственный надзор обнимал все операции внешней торговли; но при сильном возрастании ее самые размеры делали контроль невозможным и вызывали непременно существенные отступления от регуляций системы денежного баланса“¹. На самом деле, надзор за передачей денег в каждой торговой сделке англичанина с иностранцем стал просто невозможным с введением в оборот векселей и распространением кредитных сделок. Вексель мог передаваться по несколько раз из рук в руки, при чем невозможно было определить, на кого падет окончательная уплата: на англичанина или на иностранца. Учреждение Ост-Индской Компании в 1600 г. должно было доказать на деле, что запрещение вывозить из страны драгоценные металлы нецелесообразно. И действительно, этой Компании пришлось вывозить много золота в уплату за колониальные товары, которые она покупала в Индии. И, несмотря на это, она очень быстро разбогатела, а страна ничего не теряла от вывоза денег. А. Смит говорит по этому поводу в главе „Исключительные стеснения“: „Хотя наибольшая часть индийских произведений покупается на золото и серебро, тем не менее вывоз из Англии в различные страны доставляет стране больше золота и серебра, чем сколько было заплачено за них при покупке“².

Таким образом, под влиянием изменений, которым подверглась экономика страны, произошла перемена и в экономической политике. Система денежного баланса не могла уже на данной ступени развития быть орудием для осуществления важнейшей задачи того времени — увеличения национального богатства. Система денежного баланса уступает свое место системе торгового баланса. Главное внимание обращается теперь на привлечение богатства в виде денег в страну путем поощрения вывоза. Основная задача заключается теперь в том, чтобы вывоз по своей ценности превышал ввоз и таким образом увеличил богатство страны. Но для того, чтобы получить активный торговый баланс, необходимо было поощрять вывоз и задерживать ввоз. „Главная задача политической экономии — говорит А. Смит — обратилась в возможное уменьшение ввоза иностранных товаров для внутреннего употребления и возможное увеличение вывоза предметов народной производительности. Поэтому, для обогащения

¹ Янжул. Цит. сочинение, стр. 32.

² А. Смит. „Исслед. о прир. и прич. богат. нар.“, пер. Вибикова, т. II, 1866 г., стр. 298.

страны, приведены были в действие две великие пружины: стеснение ввоза и поощрение вывоза¹.

Итак, основная задача — побольше вывозить товаров из страны. Но какие продукты было выгоднее всего вывозить. Разумеется, продукты обрабатывающей промышленности, ибо мировой рынок предъявлял спрос именно на эти продукты. Кроме того, при неудовлетворительных в то время средствах сообщения наиболее удобными для внедрения на мировом рынке являются более дорогие и легко перемещаемые мануфактурные изделия. „Мануфактурные изделия—говорит А. Смит—в особенности самые утонченные, перевозятся из страны в страну гораздо легче, чем скот или хлеб; поэтому главный предмет иностранной торговли составляют мануфактурные произведения“². Поэтому меркантилистическая система поощряет преимущественно развитие обрабатывающей, а не добывающей промышленности. Развитие обрабатывающей промышленности является одним из способов достижения основной задачи—превышения вывоза над ввозом. Но эта задача достигается целой системой мероприятий, к рассмотрению которой мы теперь и переходим.

III

Итак, основная задача меркантилистической политики заключается в развитии мануфактур. Чем больше будет развита обрабатывающая промышленность данной страны, тем больше будет она вывозить своих товаров—промышленных изделий—на мировой рынок. Но благоприятный торговый баланс получается не только в результате значительного вывоза. Вывоз должен превышать ввоз. Поэтому необходимо было привести в движение эти „две великие пружины: стеснение ввоза и поощрение вывоза“. Лучшим средством для достижения этой цели считалась таможенная политика. Путем высоких пошлин стеснялся ввоз из за-границы тех мануфактурных изделий, которые могли быть произведены в данной стране. Точно также ставились препятствия путем высоких пошлин или прямого запрещения ввозу „всех почти произведений, шедших из страны, торговый баланс которой предполагался избыточным“³. А вывоз поощрялся освобождением от пошлин, премиями, торговыми договорами и колониальной политикой.

Таможенная система была развита в Англии еще в средние века. Но цель таможенных тарифов при меркантилизме иная. Если прежде ввозные и вывозные пошлины имели своей

¹ А. Смит. Цит. сочинение, стр. 257.

² А. Смит, стр. 268

³ А. Смит. Цит. сочинение, стр. 258.

целью „доставить работу народу“, то теперь они являются могучим орудием конкурентной борьбы за овладение мировым рынком. Эдуард VI в Англии, желая вытеснить Ганзейские товары из Англии, увеличил в 1552 году пошлины на ввозимые Ганзой товары с 1 до 20%. Разумеется, что Ганза с своей стороны также реагировала путем повышения пошлины на товары, ввозимые в Ганзейские города из Англии¹. Эту таможенную борьбу против Испании и Ганзы продолжала Елизавета. Но своего кульминационного пункта таможенная система достигла в Англии при Кромвеле, авторе знаменитого навигационного акта. Этот последний был направлен своим острием, главным образом, против Голландии, считавшейся тогда самой сильной торговой державой². Благодаря низким фрахтам Голландия захватила в свои руки торговый транспорт не только между Англией и другими странами, но и между Англией — метрополией и ее колониями. Кромвель навигационным актом, изданным в 1652 г., положил конец этому могуществу. А. Смит, посвятивший 8 глав критике меркантилистической системы, считает, однако, что „акт мореплавания (т. е. навигационный акт Кромвеля. С. Р.) составляет, быть может, самое мудрое из всех торговых постановлений Англии“³. Основные положения навигационного акта следующие: 1) „Запрещается всякому судну, владельцу которого, капитан и $\frac{3}{4}$ экипажа, не великобританские подданные, вести торговлю с заведениями и колониями Великобритании или производить каботажную торговлю по берегам Великобритании под опасением конфискации судна и груза. 2) Большая часть самых громоздких товаров может быть ввезена в великобританские порты не иначе, как на кораблях, упоминаемых в предыдущей статье, или на принадлежащих той стране, в которой готовятся ввозимые товары; при том владелец, капитан и $\frac{3}{4}$ матросов должны быть из той страны; кроме того, если товар ввозится на кораблях последнего рода, то они подвергаются двойной пошлине, взимаемой с иностранных произведений. Если же товары будут ввезены на кораблях, принадлежащих другой стране, то корабль и груз конфискуются... 3) Большая часть самых громоздких товаров не может быть ввезена даже на великобританских кораблях, если она ввозится не из той страны, которая производит их, под опасением конфискации корабля и груза... 4) Соленая рыба, китовый ус, сало и жир, если ловля и приготовление их произ-

¹ См. Чупров. История полит. экономии, 1915 г., стр. 93—94.

² „Нидерландцев, говорит А. Онкен, справедливо называли финикийцами нового времени“. Онкен. Цит. сочинение, стр. 193.

³ А. Смит. Цит. сочинение, стр. 280.

ходило не на великобританских кораблях, не могут быть ввезены иначе, как с уплатой двойной таможенной пошлины“¹.

Не меньшее значение придавали покровительственным пошлинам во Франции. Но и здесь, как в Англии, их рассматривают не как самоцель, а лишь как средство для развития промышленности. Известно, что самый яркий представитель меркантилизма во Франции—Кольбер—видел в пошлинах только костыли, которые должны быть отброшены, как только отечественная промышленность окрепнет и сможет без искусственных мер выдержать борьбу на мировом рынке. До Кольбера во Франции таможенные тарифы устанавливались, главным образом, из фискальных соображений. Кольбер же поставил таможенные тарифы на службу развитию промышленности. Тариф 1664 года распространялся на все товары, переправляемые через границы; тариф 1667 г. устанавливал категории покровительственных товаров и применялся не ко всем товарам. Разумеется, что иностранцы защищались тем же оружием. Так, напр., Голландия на тариф 1667 года ответила в 1671 году запрещением ввоза французских вин и водок. Это было одной из главных причин войны 1672 г. между Францией и Голландией.

Таким образом, покровительственные тарифы, задерживая ввоз иностранных товаров, создавали внутренний рынок для туземной промышленности. Совершенно ясно, что ввоз сырых материалов, необходимых для развития определенных отраслей промышленности, всячески поощрялся². Так, напр., тариф, установленный в 1664 году, имел в виду, главным образом, „поощрять снабжение Франции сырыми материалами“³. Кольбер выразил цель и задачи применяемой им таможенной системы в поданной им королю записке в следующих словах: „Уменьшить вывозные пошлины на предметы продовольствия и на фабричные изделия королевства; понизить ввозные пошлины на все, необходимое для фабрик, отстранить, посредством возвышения пошлин, произведений иностранных фабрик“⁴. *Итак, основная задача таможенной системы заключалась в том, чтобы способствовать развитию туземной промышленности. А развитие обрабатывающей промышленности, в свою очередь, как мы видели выше, есть средство для увеличения богатства*

¹ А. Смит. Цит. соч., стр. 277—78.

² В Англии выдавалась премия за ввоз из американских колоний сырых материалов: лес, пенька, смола, деготь и скипидар. На деготь и смолу была установлена премия в 4 ф. ст. на тонну, а на скипидар—3 ф. на тонну. См. А. Смит. Цит. соч., стр. 550—551.

³ А. Бланки. „Истор. полит. экон.“, т. I, пер. Бибилова, 1869 г., стр. 331.

⁴ См. Forbonnais, Considerations sur les finances, т. II, стр. 434, цит. по А. Бланки указан. сочинение, стр. 331.

страны. Поэтому критика таможенной системы эпохи меркантилизма должна исходить именно из этого положения. Критики должны помнить, в чем заключалась основная задача покровительственных тарифов в то время. Ад. Бланки, напр., по нашему мнению, мало понял роль пошлин в меркантилистической практике. Он считает одной из ошибок Кольбера „чрезмерные пошлины, установленные тарифом 1667 года, с целью обеспечить Франции собственное производство тех предметов, которые она получала из за-границы“¹.

IV.

Итак, покровительственные пошлины способствуют развитию промышленности, предоставляя фактически туземным предпринимателям монополию на внутреннем рынке. Но мы ведь видели, что в эпоху меркантилизма важнейшее значение имеет внешняя торговля, мировой рынок. Но как завоевать внешний рынок? Необходимо, следовательно, поощрять вывоз товаров из страны. Но государство данной страны невластно установить монополию на внешнем рынке. Эта задача — завоевание внешнего рынка — достигается косвенным путем. А. Смит по этому поводу говорит: „А как отечество (т. е. купцов—С. Р.) не имеет законодательной власти над чужими народами и, стало быть, не может предоставить им монополию над ними, то они прибегают к просьбам о различных поощрениях вывоза“². Одной из распространенных мер поощрения вывоза является освобождение от пошлин. При вывозе товаров на внешний рынок туземный купец получал обратно весь налог или пошлину, которыми данные товары облагались внутри страны. Таким же образом освобождались от пошлины излишние иностранные товары, вывозимые из страны. Англия, напр., ввозила ежегодно, до восстания американских колоний, около 96.000 кип табаку, а для внутреннего потребления требовалось не более 14.000 кип. Для того, чтобы поощрять вывоз излишка, экспортеры освобождались от пошлин с условием, чтобы табак вывозился из страны в течение 3-х лет³. Таким же образом поощрялся вывоз английских вин и других товаров. „Постановлением 15 года Карла II—говорит А. Смит — передана Великобритании монополия снабжения колоний всеми товарами, произведенными в Европе“⁴.

Расширению вывоза должны способствовать также премии, которые выдавались за вывоз товаров. Премии дают возмож-

¹ А. Бланки. Цит. сочин., стр. 333—334.

² А. Смит. Цит. соч., гл. 4-ая, стр. 332.

³ Там-же, стр. 334.

⁴ Там-же, стр. 336.

ность промышленникам данной страны продавать товар на мировом рынке дешевле своих конкурентов¹. Очень большую роль в деле расширения вывоза сыграли торговые договоры. Последние заключались с целью открыть привилегированный доступ в какую либо страну определенным товарам данной страны. Ввоз этих же товаров из других стран прямо запрещался или облагался более высокой пошлиной. Такие торговые договоры отдавали внутренний рынок исключительно покровительствуемой стране. „Страна эта — говорит Смит — становится одновременно как обширнейшим, так и выгоднейшим рынком для их (т. е. купцов покровительствуемой страны С.Р.) товаров; обширнейшим — потому что по причине отстранения прочих народов, или по причине более высокой пошлины на их произведения, рынок этот потребует большее количество товаров; выгоднейшим потому, что купцы покровительствуемой страны, пользуясь на этом рынке как бы монополией, часто будут иметь возможность продать свои товары дороже, чем как могли бы продать их при свободном соперничестве с прочими народами“². Такие торговые договоры стремились заключить все страны; все искусство государственных деятелей в области внешних сношений сводилось к умению всякими средствами добиться выгодного торгового договора с какой либо страной. Очень широко применяли эти торговые договоры Англия и Франция. С половины XVI века Англия пользовалась в России в царствование Иоанна Грозного широкими правами и льготами в области торговли. Согласно торгового договора англичане получили право беспошлинного ввоза своих товаров в Россию, а также вести торговлю через Россию с Востоком. Им было предоставлено исключительное право приставать в гавани Двинские и на севере от Двины, заводить конторы и подворья. Английская монета имела свободное хождение в Москве, Новгороде и Пскове³. Когда за англичанами потянулись в Белое море голландцы, датчане и норвежцы, англичане стали добиваться права исключительной торговли в России. Но этого им не удалось добиться. Они были освобождены только от пошлин. Кромвель в 1654 г. заключил с Португалией торговый договор, которым была установлена „Великая Хартия английских прав и привилегий в Португалии“⁴. Согласно заключенного с Португалией дополнительного, т. н. Метуэенского договора, в 1703 году Англия получила право ввоза своих шерстяных изделий в Португалию.

¹ Подробнее о премиях см. у Смита, т. II, гл. 5.

² А. Смит. Глава 6-ая, стр. 395.

³ И. Кулишер. „Лекции по ист. экон. быта Зап. Европы“, изд. 4-ое, 1916 г., стр. 355.

⁴ См. Кулишер. Цит. соч., стр. 353.

Политику торговых договоров вела и Франция. В 1535 г. она заключила выгодный торговый договор с турецким султаном Селиманом Великолепным, согласно которого Франция фактически контролировала всю торговлю в Левантийских странах. В Саиде и других портах Сирии только французы имели свои фактории¹.

Этой же цели—расширению рынков сбыта—должна была служить колониальная политика. Она заключалась в том, чтобы заставить колонии покупать промышленные изделия только в метрополии, заставить их производить только сырье, которое должно было продаваться преимущественно тоже в метрополии.² Для того, чтобы колонии служили рынком сбыта для промышленности метрополии, принимались все меры к тому, чтобы в колониях не возникали фабрики³. Так действовала Англия по отношению к ее американским колониям. „Вследствие этой исключительной торговли часть избытка произведений, напр., английских колоний, состоящая из т. н. поименованных товаров, не может быть вывезена ни в какую страну, кроме Англии, у которой затем могут покупать их прочие народы. Поэтому произведения эти необходимо должны быть дешевле в Англии, чем в какой-бы то ни было другой стране, и, стало-быть, они должны увеличить благосостояние Англии более, чем благосостояние прочих стран, и оказывать такое же содействие развитию в ней труда“⁴.

Франция тоже искала в колониях рынки сбыта для продуктов городской промышленности. При Кольбере Франция начала колонизировать Америку и достигла в этом направлении значительных результатов⁵.

V.

Итак, важнейшая задача меркантилистической политики заключается в завоевании внешнего рынка. Но победить на мировом рынке и вытеснить своих соперников сможет лишь та страна, в которой производство будет лучше организовано, где мануфактуры будут сильнее развиты, где качество продуктов будет выше, где продукты будут соответствовать требованиям внешнего рынка. А для достижения всего этого недостаточно одних, хотя бы очень мудрых „навигационных актов“, торговых договоров и т. д. Для достижения этой цели необходимо вмешательство государства в сферу производства, необ-

¹ Кулишер. Цит. сочинение, стр. 347.

² См. у А. Смита. Цит. соч., стр. 435—451.

³ Там-же, стр. 452—453.

⁴ Там-же, стр. 468.

⁵ См. Кулишер. Цит. соч., стр. 349.

ходимо прямое содействие промышленности со стороны государства. Отсюда государственная опека над промышленностью, осуществлявшаяся нередко путем принуждения.

Основным элементом производства является сырье. Поэтому каждая страна старалась не выпускать сырье из своих пределов. Чем больше сырых материалов в данной стране в сравнении с другими, тем больше у нее возможностей вытеснить своих соперников. В Англии очень рано начала развиваться шерстяная промышленность. Поэтому там встречаются еще с ранних пор строгие запрещения вывоза шерсти и овец, нарушение которых влекло за собой жестокие наказания. „Постановлением восьмого года Елизаветы—читаем мы у А. Смита—за вывоз овец, ягнят и баранов виновный наказывался первый раз конфискацией на вечные времена всего своего имущества, годовым заключением в тюрьму, и по окончании этого срока в рыночный день у него должна быть отсечена левая рука, которая останется приговоренной на площади города; в случае повторения преступления виновный судится, как за измену, и потому наказывается смертью“¹. Внутренней торговле шерстью в Англии ставили большие препятствия для того, чтобы она не вывозилась из страны. С еще большими затруднениями была сопряжена морская торговля. Каждый овцевод, находившийся в 20 милях от морского берега, обязан был представить три дня спустя после стрижки овец таможенному чиновнику письменную ведомость о количестве полученной шерсти и о месте ее нахождения². Эти запрещения вводились с целью препятствовать другим странам развить у себя шерстяную промышленность.

Не менее важным элементом производства является живая рабочая сила. Поэтому строго следили за тем, чтобы из страны не выселялись рабочие и мастера. В Англии „всякий человек, изобличенный в подговаривании ремесленника или фабричного работника Великобритании ехать работать или учиться своему ремеслу за-границу, в первый раз подвергался штрафу в 100 фун. и 3-х месячному заключению“³. Французские мастера и рабочие были лишены права эмигрировать из страны. Узнав, что два мастера шелкового дела с 20 рабочими желают переехать в Испанию, Кольбер приказывает их аресто-

¹ А. Смит. Цит. соч., стр. 554. Для того, чтобы понять эту жестокость, надо помнить, что в то время ослабление хозяйственной мощи страны равносильно было ее политическому ослаблению. Кольбер, напр., говорит: „Мы должны победить другие страны нашей промышленностью и одолеть нашим вкусом“.

² А. Смит. Цит. соч., гл. 8-ая, стр. 557.

³ Там-же, стр. 570.

вать, рабочим давать во время ареста умеренное содержание, а мастеров заставить „пострадать“¹.

Разумеется, что одних мер против эмиграции мастеров и рабочих было недостаточно. Необходимо было принять меры к привлечению мастеров и рабочих из других стран. Этот способ широко применялся Кольбером. Темп развития промышленности во Франции при Кольбере задерживался, главным образом, отсутствием опытных мастеров, т. к. Франция в то время в экономическом отношении была страной отсталой. Французские цехи не могли дать сколько-нибудь искусных мастеров и рабочих для тех отраслей промышленности, которые Кольбер желал развить в стране. Поэтому он всеми мерами старался привлечь в страну из за-границы опытных стекольщиков, зеркальщиков, ткачей, суконщиков и друг.²

Для быстрого развития промышленности Кольбер приглашал во Францию владельцев готовых мануфактур со всем устройством и с рабочими, давал им субсидии и всякого рода льготы.

Одним из средств вытеснить соперников на мировом рынке являются дешевые цены на товары. Следовательно, государство должно было заботиться о том, чтобы цены на вывозимые товары всячески снижать. С этой целью предпринимались различные меры к понижению издержек производства. Но основным элементом производства является рабочая сила. Поэтому государство заботилось о том, чтобы заработная плата не была высока. Важнейшим средством удержания заработной платы на низком уровне являются дешевые цены на хлеб и другие предметы продовольствия. Для урегулирования этих цен препятствовали вывозу хлеба и других продовольственных продуктов из страны. Кольбер, напр., совсем запретил вывоз хлеба из Франции, в Англии вывоз хлеба запрещался только при известном уровне хлебных цен. Елизавета не допускала вывоз хлеба как только его цена на внутреннем рынке превышала 10 шиллингов. При Вильгельме III государство старалось установить нормальную цену на хлеб путем регулирования ввоза и вывоза его. Низкий уровень заработной платы достигался не только путем регулирования хлебных цен, но и путем прямого регулирования заработной платы.

Способность к конкуренции данной страны усиливается не только относительной дешевизной товаров, но и их лучшим качеством. Поэтому государство обращало сугубое внимание на способ производства и качество продукции. Наибольшего

¹ А. Миклашевский. Цит. сочинение, стр. 137.

² Е. Тарле. Рабочие во Франции в XVIII веке, в „книге для чтения по истории нового времени“, т. II, стр. 217.

своего развития регламентация производства достигла во Франции при Кольбере. Во Франции определенные продукты должны были производиться под строжайшим контролем государственных инспекторов, которые должны были следить за тем, чтобы производство велось по установленным государством регламентам. Регламенты устанавливали длину, ширину ткани, указывали, сколько ниток должно быть в основе и т. д. Всякое отклонение от регламента строго каралось. Плохо изготовленная материя выставлялась на эшафоте и висела там 48 часов с особой надписью, указывающей имя изготовившего ее мастера. По истечении 48 часов материя разрывалась или сжигалась. Если же мастер второй раз выпустил недоброкачественную материю, он подвергался порицанию в общем собрании цеха. А в третий раз сам мастер выставлялся на эшафоте с образцами негодной материи¹. Но эта чрезмерная строгость Кольбера при регулировании промышленности объясняется тем, что Франция, как уже сказано выше, в сравнении с другими странами была отсталой. А Кольбер стремился к тому, чтобы промышленность Франции стояла по своему развитию выше, чем в других странах.

„Конечно, говорит А. Онкен, в этой системе (т. е. системе Кольбера—С. Р.) было много опеки и насилия, но не следует забывать того, что приходилось спешить и наверстывать потерянное“².

VI.

Такова меркантилистическая практика. Посмотрим теперь, какое отображение нашла эта практика в меркантилистической литературе. Мы выше сказали, что в развитии меркантилизма надо различать две фазы развития. Но точнее будет разделить развитие меркантилизма на три этапа: 1) система денежного баланса, когда в сферу обмена вовлекалась незначительная часть национального богатства, когда международный обмен был слабо развит. Второй этап соответствует тому периоду, когда торговля, главным образом внешняя, достигла колоссальных размеров³. Третий этап соответствует началу переходного периода, когда буржуазия начинает понемногу внедряться в промышленность, не ограничиваясь одной лишь сферой обмена. Представителем первого этапа является Вильям Стаффорд, второго этапа — Томас Мэн, а третьего — Д'Эвенент и Чайльд. Разумеется, что взгляды этих трех литературных представителей меркантилизма не могут совпасть во всем. Что же дает

¹ См. Ковалевский. Происх. соврем. демократии, т. I, ч.ч. III и IV.

² А. Онкен. Цит. сочинение, стр. 171.

³ См. об этом выше.

право причислить их к меркантилизму, независимо от расхождения между ними по отдельным вопросам торговой политики меркантилизма. То, что все они исходят из основного положения, что богатство страны возрастает посредством торговли. Стаффорд—глава меркантилизма, по мнению Янжула, не придает слишком большого значения внешней торговле. По его мнению, для страны выгоднее покупать у своих хотя бы по более высокой цене. Все, что приобретается у нас от торговли с иностранцами, говорит он, уходит от нас навсегда, напротив, все, что мы, англичане, приобретаем друг у друга, остается дома, внутри страны¹. Лучшим средством поднять благосостояние страны, по мнению Стаффорда, является покровительство туземной мануфактурной промышленности. Он говорит: „Я прошу вас обратить внимание на то, что иностранцы заставляют нас платить в конце концов за наш собственный материал; на нас же падают все иностранные таможенные пошлины, издержки по обработке и, наконец, пошлина при обратном ввозе в Англию. Между тем, если бы те же предметы были сработаны в королевстве, наши соотечественники получили бы лишний заработок, пошлины были бы платимы иностранцами и чистая прибыль осталась бы в королевстве“². Он не высказывается, однако, за покровительство промышленности вообще. Всех промышленников он делит на три класса. К первому он относит торговцев колониальными товарами, виноторговцев, модисток и т. д. Они только вывозят деньги из страны. Второй класс составляют промышленники (мясники, портные, булочники), которые тратят в стране полученные деньги и не вывозят их. Наконец, к третьему классу относятся лица, занятые в отраслях промышленности, вывозящих свои изделия на внешний рынок, как, напр., шерстяная промышленность. Они то увеличивает богатство страны, ибо они ввозят из заграницы деньги. Вот на эту отрасль промышленности государство должно, по мнению Стаффорда, обращать особое внимание и всячески покровительствовать ей.

Изменения, происшедшие в сфере международного обмена в XVII веке, властно требовали перемены торговой политики. Практика показала, что вывоз денег из страны не ведет к уменьшению ее богатства. Система денежного баланса была заменена системой торгового баланса, ярким представителем которой в литературе является Т. Мэн—бывший член дирекции Ост-Индской Компании. Он выступает резко против запрещения вывоза денег и тем самым защищает Ост-Индскую К-о от

¹ См. Янжул. Цит. сочинен., стр.

² Там-же, стр.

нападок за нарушение „статута истрачения“¹. Он доказывает, что вывезенные Компанией деньги из Англии в уплату за индийские товары возвращаются в страну с избытком, т. к. они продаются по более высоким ценам на внешнем рынке. Вывоз денег является лишь первым звеном в цепи торговых операций. Поэтому результат может быть выяснен только в конце, т. е. когда товары превращены в деньги. Он говорит: „Если бы мы стали судить о земледельце только в минуту посева, когда он разбрасывает по земле такое количество прекрасных зерен, то мы могли бы принять его за безумного. Но если мы вспомним в то время о жатве, составляющей цель его забот, то можем оценить до достоинству его труды и вытекающее из них изобилие“². Таким образом, Мэн доказывает, что бессмысленно запрещать вывоз денег, что условием обогащения страны является превышение вывоза над ввозом, активный торговый баланс. Но этот торговый баланс должен охватить итог торговли со всеми странами. Торговый баланс с отдельными странами, как, наприм., с Индией может быть иногда пассивным и это, тем не менее, не препятствует тому, чтобы общий баланс был активный. Для превышения вывоза над ввозом необходимо, по мнению Мэна, стараться уменьшить ввоз тех товаров, которые могут быть произведены в стране. Он рекомендует также сократить потребление иностранных продуктов в пище и одежде. Только ввоз таких иностранных товаров, которые могут быть проданы иностранцам с прибылью, может способствовать увеличению национального богатства. Мэн высказывается против запрещения ввоза иностранных товаров, ибо это — по его мнению, должно вызвать такое же запрещение ввоза английских товаров. Мэн борется против денежного фетишизма. Он считает нелепой торговую политику, стремящуюся к тому, чтобы иностранцы покупали английские товары только за деньги. „Эта мера, говорит он, не доставит королевству ни одного лишнего пени в конце года. Что принудительно добыто одним путем, опять выйдет другим; при нас останется только то, что выиграно и присоединено к богатству страны посредством перевеса в торговле“³.

Янжул считает, что типичным представителем меркантилизма является В. Стаффорд. Одно из девяти выставленных Янжулом в начале книги положений гласит следующее: „В противность мнению Мак - Кулоха, Рошера и других, главой и типичным представителем английских меркантилистов должен

¹ См. выше.

² Цит. по А. Смитю: „Исслед. о причинах и прир. нар. богатства“, т. II, кн. 4-я, стр. 228.

³ См. Янжул. Цит. сочинение, стр. 80.

считаться не Мэн, а Вильям Стаффорд (1581 г.)". Нам кажется, что Янжул не прав. Это положение имеет своим исходным пунктом утверждение, что решающим признаком меркантилизма является отождествление денег с богатством. А Стаффорд, как мы видели выше, подчеркивает, что от ввоза денег страна богатеет. Поэтому Янжул последовательно считает его воззрения характерными и типичными для всех меркантилистов. Из неправильного положения неизбежно вытекает неправильный вывод. Мы доказали выше, что меркантилизм характеризует не отождествление денег с богатством, а искание источника приращения национального богатства в сфере обращения, в $T-D-\bar{D}+d$. Приращение D означает приращение богатства. Но в эпоху меркантилизма речь шла не об увеличении D в кармане отдельного купца, а об увеличении его в рамках национального государства. Поэтому о результатах торговой деятельности страны нельзя судить лишь по первой части формулы $D-T$, как это делает Стаффорд. Вывоз денег из страны, $D-T$, обозначает лишь первый акт в сфере международного обращения товаров. Об увеличении или уменьшении национального богатства можно судить лишь тогда, когда совершится и второй акт $T-D$. Если D во втором акте больше чем в первом, значит страна увеличила свое богатство. Поэтому то Мэн говорит: „Деньги создают торговлю, а торговля умножает деньги. Поэтому чем больше денег пускать в оборот, тем лучше“¹. Мэн глубоко уверен в том, что изложенные им взгляды соответствуют интересам и нуждам народного хозяйства той эпохи, что только осуществление его взглядов может привести к обогащению страны. Он говорит: „Пусть купцы совершают сделки по высокому или по низкому курсу, пусть иностранные государи произвольно изменяют достоинство своей монеты, и пусть его величество делает то же самое, или держит монету в той же стоимости, как теперь, пусть закон истрачения остается в силе, пусть купцы вывозят деньги... Однако, все эти действия не могут оказать на торговлю иного влияния, чем то, которое об'яснено в настоящем труде. Богатства будут ввозиться или вывозиться соответственно с тем, дает ли торговый баланс перевес в нашу или чужую пользу. И это все должно происходить необходимо или неотвратно, вне всякой возможности изменения. Все другие пути и средства усилить прилив денег в королевство может быть и произведут это, но только на время и в конце концов окажутся не только тщетными, но даже и вредными“².

¹ См. Янжул. Цит. сочинение, стр. 78.

² Там-же, стр. 82.

Итак, Мэн выступает против иллюзии, будто богатство составляют исключительно благородные металлы. Он первый выдвинул то положение, что активный торговый баланс является лучшим средством для увеличения национального богатства. А это положение, как мы видели выше, является основным и характерным для всей меркантилистической системы. Вот почему мы считаем, что типичным представителем меркантилизма должен быть признан Т. Мэн, а не Стаффорд. Энгельс по этому поводу говорит: „Это сочинение (т. е. сочинение Мэна „Рассуждение о торговле и т. д.“ С. Р.) уже в первом своем издании имело особенное значение в том отношении, что было направлено против монетной системы (т. е. системы денежного баланса — С. Р.), защищаемой английским правительством и было первым толчком к установлению меркантильной системы в ее чистом виде... Совершенно переделанное самим автором и появившееся уже после его смерти в 1664 году под заглавием: „Englands Treasur etc“, сочинение это в течение последующих веков играло роль евангелия для меркантилистов. Если меркантильный период и ознаменовался какими либо сочинениями, создающими эпоху..., то такая честь всецело принадлежит названному сочинению Т. Мэна“¹. Таким образом, мы видим, что Энгельс считает Мэна представителем меркантилизма „в чистом виде“, что его сочинение было „евангелием“ для меркантилистов и, наконец, что его сочинение создало эпоху. Но если Мэн высказал впервые меркантилистические взгляды „в чистом виде“, то думается, что этого вполне достаточно для того, чтобы считать Мэна „главой и типичным представителем английских меркантилистов“.

Чайльд продолжает дело Томаса Мэна, защищая идею торгового баланса. Но он идет дальше Мэна. Он доказывает, что состояние торгового баланса не может быть выяснено путем сравнения ввоза и вывоза товаров по пошлинным листам. Лучшим средством для определения торгового баланса страны — по мнению Чайльда — является движение торговых судов. „Повсюду говорит он, где судоходство растет и при том не по временам, а в течение долгого ряда лет непрерывно, торговля очевидно выгодна для народа. При ежегодно возрастающем судоходстве все больше людей всех профессий находят себе занятия; в большом числе кораблей и матросов — сила и оплот Англии“².

Но каким образом может Англия добиться благоприятного торгового баланса? Чайльд считает, что большое значение

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, 1918 г., гл. 10, стр. 206—207, курсив наш.

² Josias Child „Traité sur le commerce“ etc, перевод с англ., 1754 г., стр. 110.

имеет уровень процента. Низкий процент—лучшее средство для достижения активного торгового баланса. При низком проценте торговля получает дешевый капитал, что дает ей возможность понизить цены товаров. Продавая товар на внешних рынках по более дешевым ценам, Англия сможет вытеснить своих конкурентов. „Низкий процент—говорит Чайльд—есть причина причин (causa causans) всякого богатства“¹. Уровень процента—барометр хозяйственного развития страны. „Для того, чтобы узнать, богата или бедна данная страна—говорит он—достаточно получить ответ на вопрос: „Каков уровень процента“ (quel y est le prix de l'intérêt de l'argent?)“². Он доказывает это на примере Англии. Понижение уровня процента до 6 в 1651 г. повлекло за собою заметное увеличение богатства. За это время увеличилось количество карет; на бирже появилось после понижения процента большее число людей с капиталом в 1000 фунт. стерлингов. Поэтому Чайльд считает важнейшей задачей государства продолжать снижение процента и довести его до 4, как в Голландии. А такое понижение % должно, по его мнению, увеличить богатства страны в течение 20 лет в два раза. И Англия сможет тогда успешно соперничать с Голландией.

Чайльд доказывает далее, что понижение процента выгодно и землевладельцам, так как оно повышает земельную ренту. Низкий уровень % вызывает под'ем не только торговли, но и земледелия. „Si nous voulons jeter les jeux sur la campagne, nous verrons, que depuis la reduction de l'intérêt elle est aussi amélioré que le commerce“³.

Чайльд считает нецелесообразной регламентацию производства. Обязывая производить товары определенного качества, формы, длины и ширины и т. д., государство связывает и парализует инициативу производителя и не дает ему приспособляться к быстро изменяющимся потребностям и запросам со стороны рынка. Он справедливо указывает, что нельзя завоевывать внешний рынок, производя товар только одного определенного качества. Нация, говорит он, которая хочет господствовать на мировом рынке, должна производить различные товары, различного качества и различной формы для того, чтобы удовлетворять различным вкусам и потребностям.

Чайльд вообще высказывается за свободу торговли и промышленности⁴. Он критикует законы Елизаветы об учени-

¹ Там же, стр. 68.

² Там же, стр. 74.

³ Там же, стр. 73.

⁴ См. W. Roscher Zur Geschichte der englischen Volkswirtschaftslehre в сборнике „Abhandlungen der philosophisch—historischen klasse der königlichen Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften“ II Band, 1857 г., стр. 65.

честве и высказывается против запрещения вывоза золота и серебра. „Золото и серебро—говорит он, превращенные или не превращенные в монету, хотя и употребляются как мера всех других вещей, тем не менее составляют такой же товар, как вино, сукно, материи и т. п. и могут вывозиться с такой же выгодой для страны за границу, как и всякий другой товар“. По поводу запрещения вывоза из Англии шерсти Чайльд говорит: „Лица, которые в состоянии платить высшую цену за данный товар, всегда получают его тем или иным путем, несмотря на все законы, запрещающие его вывоз; такой силой и свободой обладает торговля“¹.

Таким образом, мы видим, что Чайльд расширяет и углубляет идею торгового баланса.

Идея торгового баланса выражена у Д'Эвенента еще ярче и отчетливее, чем у Мэна. Он говорит: „Вывоз нашего собственного продукта должен обогатить Англию; чтобы торговый баланс был для нас выгоден, мы должны вывозить наш собственный продукт, в обмен на который мы будем покупать все производимые за-границей предметы, нужные для нашего собственного потребления, при чем у нас должен остаться излишек или в виде благородного металла, или в виде товаров, которое мы могли бы продать в другие страны; этот излишек составляет ту прибыль, которую нация извлекает из торговли“². Таким образом, источником богатства является и для Д'Эвенента внешняя торговля, как и для Мэна. Но он идет дальше. Если последний настаивает на том, чтобы излишек возвращался домой „не иначе, как деньгами“, то Д'Эвенент делает шаг вперед и доказывает, что этот излишек не должен быть ввезен в страну обязательно деньгами. Важно лишь для него, чтобы получился остаток, но неважно в какой форме: „или в виде благородных металлов, или в виде товаров“. Д'Эвенент отчетливее, чем Мэн, выступает против денежного фетишизма. „Золото и серебро, говорит он, действительно служат мерилом торговли, но источником ее происхождения у всех народов являются естественные и искусственные произведения страны, т. е. то, что производит ее земля, ее труд и ее промышленность. И это до такой степени верно, что данный народ может в силу какого-нибудь обстоятельства совсем лишиться всякого рода денег; если это—народ многочисленный, промышленный, активный в торговле, искусный в плавании, обладающий хорошими гаванями, владеющий почвой, родящей много разнообразных произведений, то он все-таки будет в состоянии вести торговлю, обогатиться и в скором времени сделаться обладателем боль-

¹ Там же.

² Цит. по Марксу „Теории приб. стоимости“, вып. I, стр. 22.

шого количества серебра и золота. Так что истинное и действительное богатство страны—ее собственные произведения¹. Итак, по Д'Эвененту источником богатства является не только внешняя торговля, но и „труд и промышленность“. Точно также Д'Эвенент придает большое значение мореходству, считая его одной из отраслей хозяйства, способствующих возрастанию национального богатства. Д'Эвенент решительнее, чем Мэн, подчеркивает ту мысль, что деньги не составляют источник богатства. „Золото и серебро, продолжает он, так далеки от того, чтобы быть единственными вещами, заслуживающими названия сокровища или богатства данной нации, что поистине золото представляет собой не более как счетные марки, при помощи которых люди привыкли вести счета в своих деловых сношениях“². Д'Эвенент, следовательно, окончательно разрушает иллюзию, что будто богатство составляют только деньги. Мэн же так далеко не идет. Наоборот, он считает, что „не название наших фунтов, шиллингов и пенсов уважается, а внутренняя ценность наших монет“³.

Д'Эвенент высказывается против запрещений ввоза. В своих последних сочинениях он доказывает, что наибольшая выгода от торговли получается в том случае, если предоставить ее самой себе и не стеснять ее никакими регламентами. Наивно думать, говорит он—что торговый баланс Англии будет тем выгоднее, чем меньше она будет ввозить товаров из других стран. Ведь для того, чтобы покупать английские товары, другие страны должны продавать свои. „Страны—продолжает он—которые покупают наши товары, будут естественно надеяться на то, что и мы будем покупать известную долю их товаров. Если мы хотим вести обширную торговлю, то мы

¹ Там же.

² Там же.

³ Янжул. Цит. соч., стр. 80—81. Приведенные нами цитаты из сочинений Д'Эвенента могут еще больше убедить нас в том, что неправ А. Смит, утверждающий, что меркантилисты принимают за богатство исключительно золото и серебро. Он говорит: „Некоторые из лучших английских исследователей (речь идет, как видно, о Мэне и Д'Эвененте С. Р.), писавших о торговле, идут от того положения, что богатство страны состоит, кроме золота и серебра, из ее земель, строений и всякого рода предметов потребления. Тем не менее, в своих дальнейших рассуждениях кажется, что земли, строения и предметы потребления уходят из их памяти, а приводимые ими доказательства по природе своей часто дают повод думать, что они принимают за богатство золото и серебро, а увеличение количества этих металлов—за главную задачу народной промышленности“. (А. Смит. Цит. сочинение, стр. 257). Думается, что приведенные нами цитаты из Д'Эвенента и Мэна свидетельствуют, наоборот, о том, что земли, строения и предметы потребления не уходят из их памяти. Поэтому можно согласиться с А. Онкеном, заявляющим, что А. Смит „совершенно исказил картину меркантилизма, и борьба, которую он вел против него, есть борьба с ветряными мельницами“. (Онкен. Цит. соч. стр. 214).

должны обращаться с другими странами не хуже, чем они с нами; мы должны не только продавать, но и покупать”¹.

Д’Эвенент считает вредной хозяйственную политику, стремящуюся к тому, чтобы производить в стране все необходимые продукты. Каждая страна—справедливо замечает он—должна развивать лишь те отрасли хозяйства, которые вследствие географических и других естественных условий могут быть очень производительными и выгодными. Англия, например, должна преимущественно развивать шерстяное производство, рыболовство и другие отрасли, для успешного развития которых имеются благоприятные естественные условия. Но нецелесообразно насаждать искусственно в Англии шелковое или льняное производство².

Рошер считает Д’Эвенента „почти сторонником свободной торговли“. Он говорит: „В сравнении со строгой запретительной системой того времени можно Д’Эвенента считать почти сторонником свободы торговли“³. Однако, Д’Эвенент отстаивает необходимость существования привилегированных торговых компаний для торговли с Африкой и Ост-Индией.

Итак, Д’Эвенент и Чайльд отражают в литературе высший этап развития меркантилизма, чем Томас Мэн. И это вполне понятно. Мэн мог обобщить опыт меркантилистической системы первой половины XVII века, а Д’Эвенент и Чайльд—второй половины XVII века. Эволюция меркантилистической практики сопровождалась естественно соответственной эволюцией меркантилистической теории. Стаффорд, Мэн, Д’Эвенент и Чайльд являются выразителями различных этапов в развитии меркантилистической системы. Они все являются меркантилистами, несмотря на некоторое расхождение, существующее у них по вопросу о том, какими средствами можно достигнуть основной цели—возрастания национального богатства. Но исходный пункт у них один и тот же.

Рошер считает, что взгляды, Мэна, Д’Эвенента и Чайльда никак нельзя об’единить в одно понятие „меркантилизм“. И это понятно. Рошер, как сказано выше, характеризует меркантилизм не одним основным положением, а целой группой признаков, большая часть которых является просто средствами для увеличения богатства страны через внешнюю торговлю. Разумеется, если методы осуществления этой задачи признаются за решающие признаки, то Рошер должен был прийти к тому выводу, что взгляды названных экономистов не могут быть охарактеризованы понятием „меркантилизм“. Он говорит:

¹ W. Roscher. „Zur Geschichte der englischen Volkswirtschaftslehre“, стр. 114.

² Там же.

³ Там же, стр. 113.

„So verschiedenartige Männer, wie Mun, Child, Davenant mit dem einem Worte „Mercantilist“ zu charakterisieren, geht ebenso wenig an, als wenn ein katolischer Kirchenhistoriker alle protestantischen Theologen von Henstenberg bis aut Strauss mit dem einem Worte „Akatoliken“ oder „Herätiker“ linlänglich meinte bezeichnen zu haben“.¹

Исходя из рошеровской схемы, действительно нельзя всех указанных экономистов считать меркантилистами. Но эта схема, как мы показали выше, неверна.

VII.

Подытожим теперь все сказанное нами выше.

1) Меркантилизм есть система экономических мероприятий, соответствовавшая первой фазе развития капитализма—эпохе торгового капитала.

2) Пионеры капиталистической системы—торговцы-скупщики стояли в сфере обращения. Основная их функция заключалась в посредничестве между сферой производства и сферой потребления. Они могли воздействовать на процесс производства только через сферу обмена. Богатство страны увеличивалось в то время, главным образом, посредством торговли. Вот почему меркантилисты считали, что единственным источником богатства является торговля, главным образом, внешняя.

3) Если источником богатства является торговля, то естественно напрашивалось положение: „Profit upon alienation“, т. е. что прибыль получается только в торговле. И это об'яснение природы прибыли представляет из себя отображение „непосредственной купеческой практики“ той эпохи.²

4) И именно это утверждение—что богатство страны возрастает только посредством торговли—является отличительной чертой всей меркантилистической системы. Все остальные моменты, например, отождествление денег с богатством, регламентации торговли и промышленности, являются производными.

5) Основная задача меркантилистической практики и, следовательно теории,³ заключается в том, чтобы всеми мерами способствовать „первоначальному накоплению капитала“, чтобы подготовить почву для следующей эпохи—эпохи промышленного капитализма. Меркантилистическая система должна была накапливать и создавать элементы капиталистического производства в феодальной обстановке, когда материально-техническая база производства оставалась старой. И только исходя из этой

¹ W. Roscher, цитир. соч., стр. 123.

² См. Предисловие Ф. Энгельса к II тому «Капитала» К. Маркса ст. XVIII.

³ О меркантилистической теории можно говорить лишь с большой натяжкой.

основной задачи, стоявшей перед меркантилизмом, можно правильно его понять и оценить. Таможенная система с ее ограничениями и запрещениями, колониальная политика, государственная опека над промышленностью и т. д.—все эти мероприятия являются лишь средствами для осуществления основной цели—накопления капитала и увеличения богатства страны.

б) Глубоко не прав Ад. Смит, который несколько раз подчеркивает, что меркантилизм есть ложная система, задерживавшая процесс развития производительных сил. Смит подходит к оценке меркантилизма не с точки зрения интересов торгового капитала. Меркантилистическую систему он анализирует и критикует под углом зрения интересов и нужд уже более или менее развернутого капитализма. Он подходит к меркантилистической системе с критерием „абстрактных вечных законов“. И в этом неисторическом подходе заключается методологическая ошибка Смита при характеристике, как меркантилистической, так и физиократической системы. И разумеется, что эта методологическая ошибка, оценка меркантилистической системы „вне времени и пространства“—лишает Смита возможности дать ее правильный анализ. Рассматривая капиталистическое общество, как вечную форму общества вообще, Смит должен был прийти к выводу, что все то, что предшествует стадии развернутого капитализма, является ошибкой и заблуждением. Логический подход ведет неизбежно к тому выводу, что меркантилистическая система—сплошное заблуждение. Смит поэтому не может понять закономерности меркантилистической системы и ее сущности.¹ Для него остались совершенно непонятными ограничения в области ввоза и вывоза, регламентация промышленности и т. д. Таможенную политику, например, Смит рассматривает как результат алчности отдельных купцов. Он не понимает, что она была сильнейшим орудием в руках торгового капитала для развития туземной промышленности. Таможенная система, как уже сказано выше, дала возможность регулировать производство через организацию сбыта. Конечно, когда промышленность была уже значительно развита, тогда Англия стала на путь промышленной революции, когда английские товары получили права гражданства на мировом рынке, таможенная политика и вообще меркантилистическая система стала ненужной. Леса убираются, когда дом вы-

¹ Ж. Б. Сэй—французский последователь Ад. Смита заявляет следующее: чем больше мы в настоящее время знаем о каком либо предмете, тем меньше оснований заниматься изучением несовершенных и ошибочных взглядов предшествующего периода. Сэй договаривает до конца. Просто и ясно: нечего изучать историю развития экономической мысли. Неисторическая точка зрения Ад. Смита нашла в Ж. Б. Сэе своего вульгарного выразителя.

строен. Но отсюда не надо делать вывод, как это делает Ад. Смит, что она была не нужна и раньше.

7) Борьба меркантилистов против роскоши теряет всякий смысл и становится непонятной, если упустить из виду, что они—идеологи первоначального накопления капитала. Все мероприятия, направленные против роскоши, имели своей целью препятствовать непроизводительному потреблению и, следовательно, способствовать процессу накопления капитала. Вот почему в Англии королевская власть очень рано стала регулировать потребление, определяя из какой ткани можно шить одежду, какую пищу принимать и т. д.¹ Английский экономист—меркантилист Миссельден говорит: „Какое множество иностранных товаров потребляется в Англии: все это отнюдь не составляет необходимости, а между тем они покупаются на готовые деньги, которые остались бы дома“². Следовательно, если бы товары не попадали в сферу потребления, осталось бы в стране богатство в виде денег. Еще отчетливее и резче эта мысль о необходимости накопления капитала выражена у русского меркантилиста Посошкова в его книге „О скудости и богатстве“ (1722 г.) «Иноземцы, говорит он—хощут Российское государство пригнать к оскудению и, издеваясь над нами вместо *материальных* товаров ввозят к нам разные пития, да их похваляют... дабы больше у них покупали и денег бы им больше давали... и привозят к нам стеклянную посуду, чтобы нам купив, *разбить да бросить*“. Здесь Посошков протестует не против ввоза иностранных товаров вообще. Он жалуется, главным образом, на то, что ввозимые товары—предметы потребления, а не средства производства. Беда не в том, что иностранцы ввозят товары и, следовательно, уменьшают количество денег в стране, а в том, что **„вместо материальных товаров ввозят к нам разные пития“**.

Отражая и защищая интересы торгового капитала, меркантилисты вели борьбу против феодалов-землевладельцев, привыкших к неограниченному потреблению создаваемого в земледелии богатства. Борьба между денежным капиталом (money interest) и землевладельцами (landed interest), ведшаяся „с небольшими перерывами все столетие от 1650 до 1750“³, была борьбой за накопление капитала. „Да и на самом деле—говорит К. Маркс—переход в руки ростовщика части дохода от землевладения был одним из самых главных средств накопле-

¹ См. Янжул, цит. соч., вып. 1, стр. 19—20.

² Там же, стр. 62.

³ К. Маркс „Теории прибавочной стоимости“, вып. 1, стр. 26.

ния капитала¹. Поэтому меркантилисты требуют ограничения потребления, расчетливости и бережливости².

Кольбер, сочетавший широкий творческой размах с мелочной бережливостью в расходовании народных средств, является воплощением „третьего сословия“. Вот как характеризует Кольбера французский историк Луи-Блан. „Кольбер—говорит он—соединяет в себе сильные качества среднего класса: точность счетчика, прилежание торговца, смелость спекулянта и осторожность делового человека. Скупой относительно чужого добра, зорко следящий за своим собственным, Кольбер является искусным управляющим и заинтересованным счетчиком“³.

8) Меркантилизм не есть застывшая система. Она эволюционирует под влиянием экономического развития. Необходимо различать три этапа развития меркантилизма. Первый этап соответствует тому периоду, когда хозяйственные связи между отдельными странами были весьма ограничены. Вывоз денег казался вредным для страны; поэтому принимались меры к тому, чтобы задерживать их в стране. Это—так называемая система денежного баланса. Второй этап—система торгового баланса—соответствует тому периоду, когда торговля делала гигантские шаги вперед. Переворот в торговле вызвал изменение меркантилистических взглядов. Опыт Ост-Индской компании доказал, что вывоз денег не только не разоряет страну, а наоборот обогащает ее. Т. Мэн является представителем именно этого второго этапа меркантилизма.

Чайльд и Д'Эвенент являются выразителями интересов торгового капитала, начинающего проникать в сферу производства. Они стоят на рубеже двух эпох: торгового и промышленного капитализма. Д'Эвенент говорит уже о „труде и промышленности“, как источнике богатства. Чайльд подчеркивает необходимость установления низкого процента, являющегося, по его мнению, лучшим средством в борьбе с иностранцами на мировом рынке. От Чайльда и Д'Эвенента один шаг к той реакции против меркантилистической системы, которая началась в начале XVIII века.

¹ Там же.

² Борьба Кольбера против расточительства двора Людовика XIV была борьбой торгового капитала против дворянства, привыкшего тратить национальный доход на удовлетворение своих прихотей. Расчетливость торгового капитала лучше всего выражена у Кольбера в следующих словах, обращенных к Людовику XIV: „Ваше Величество—говорит он—я готов достать миллионы для Польши, если даже мне для этого придется продать все свои имения и ходить с семьей всю жизнь пешком, но излишний расход в 3.000 ливров причиняет мне неизяснимую боль“ (Цит. по А. Онкену, указан. соч., стр. 175, курсив наш).

³ Л. Блан „История французской революции“ т. I, перевод А.Редкина, 1907 г., стр. 177.

VIII.

Развите торговли и промышленности, дальнейшее расширение международных торговых связей в начале XVIII века не могло уже мириться с меркантилистической системой. Ее регламенты и опека, которые в свое время способствовали развитию торговли и промышленности, начали теперь задерживать этот процесс развития. Англия шла тогда впереди всех стран. Поэтому понятно, что реакция против меркантилизма началась прежде всего в Англии. Еще в середине XVII столетия Вильям Петти (1623-1687) выступил против основного положения меркантилистов. Он доказывал, что источником богатства является труд и земля. Труд—отец и активный принцип богатства, а земля—его мать¹. Труд и земля являются по мнению Петти самостоятельными факторами богатства и не могут быть поэтому сведены один к другому. Каждое благо возникает в результате сочетания обоих этих элементов. Поэтому считает Петти, что и стоимость его может быть выражена при помощи определенной меры земли и труда. Он говорит „...Так, что мы, например, можем сказать, что корабль или платье стоит такого-то количества земли и такого-то количества труда потому, что корабль, как и платье, являются произведениями почвы и человеческого труда“², но в другом месте Петти склоняется к тому, чтобы измерить величину стоимости товаров трудом. „Если—говорит он—ктонибудь может добыть из перуанской почвы и доставить в Лондон одну унцию серебра в то же самое время, в течение которого он в состоянии произвести один бушель хлеба, то первая представляет собою *естественную цену другого*; если же благодаря новым более богатым копиям он окажется в состоянии также легко добыть две унции серебра, как прежде одну, то хлеб будет также дешевле при цене в десять шиллингов за бушель как прежде был при цене в пять шиллингов *ceteris paribus*“³. Следовательно, одна унция серебра является ценой одного бушеля хлеба потому, что на производство каждого из этих благ затрачено одинаковое количество труда⁴. Петти признает, однако, что применение этого основного положения при измерении ценностей благ наталки-

¹ W. Petty. A treatise of taxes and contributions «в» The economic Writings of sir William Petty. 1899 г., стр. 68.

² Там же, стр. 44.

³ Там же, стр. 50.

⁴ По этому поводу Энгельс говорит: „Петти дает однако вполне ясный и правильный анализ величины стоимостей товаров. После того, как он установил приблизительно равноценность благородных металлов и зерна, требующих одинакового количества труда для своего производства, он этим сказал первое и последнее“ „теоретическое слово“ о стоимости благородных металлов (Анти-Дюринг), 1918, стр. 207.

вается практически на ряд трудностей, т. к. каждый продукт является результатом не только труда, но и участия земли в процессе производства. Поэтому он ищет „естественное уравнение между землей и трудом, чтобы быть в состоянии выражать стоимость при помощи одного из этих двух факторов также хорошо или даже лучше, чем при помощи обоих, и чтобы быть в состоянии также легко сводить один к другому, как пенсы к фунту“¹. И в качестве такого всеобщего мерил стоимости Петти выдвигает среднее дневное пропитание взрослого человека. „Поэтому—говорит он—средняя дневная потребность взрослого человека в пище, а не его дневной труд, является общим мерилем стоимости, которое отличается, повидимому, такой же правильностью и постоянством, как стоимость чистого серебра“².

Петти останавливается и на вопросе о природе денег. Деньги — по мнению Петти — это жир государственного организма. Слишком большое количество денег может ослабить его подвижность; недостаточное количество денег препятствует нормальному течению хозяйственной жизни. Деньги облегчают движения хозяйственного и государственного организма точно также, как жир облегчает движения мускулов в организме человека. Следовательно, *деньги нужны для страны только в определенном количестве.*

Петти высказывается категорически против запрещения вывоза денег из страны. Он считает полезным для страны вывоз денег даже в том случае, когда купленные на эти деньги товары потребляются в стране.

Очень интересны соображения Петти о проценте. Процент он называет денежной рентой в противоположность земельной ренте и ренте с недвижимых имуществ. Землевладельцам, стремившимся к законодательному ограничению размера процента, Петти объясняет, что это также невозможно, как регулировать вывоз благородных металлов или вексельный курс. К точке зрения Петти о проценте присоединяются впоследствии Локк и Норт, которые, по мнению Энгельса, являются ближайшими его последователями.

Итак, Петти выставил положение: труд — отец богатства, а земля — его мать — положение, которое звучит почти в *физико-кратическом духе*. В этом отношении Петти можно считать отдаленным предшественником физиократов.

Петти, Норт и Локк образуют, по мнению Рошера, „великий триумвират“, в эпоху которого английская политическая

¹ Там же, стр. 44.

² W. Petty. «The political anatomy of Ireland», стр. 181.

экономия до Д. Юма достигла высшей ступени своего развития¹. И в этом триумвирате Норт занимает почетное место.

Его сочинение „Рассуждения о торговле“ дает глубоко обоснование необходимости и преимуществ свободной торговли. Норт, как и Петти, считает, что источником богатства является труд. Норт понимает, что деньги возникли из обмена. Поэтому он заявляет, что деньги—товар, который, как все прочие товары, подвержен колебаниям спроса и предложения. Деньги на рынке требуются то в большем, то в меньшем количестве, в зависимости от размеров торговли. Прилив и отлив товаров на рынке регулирует денежную массу. И никакого вмешательства со стороны государства не нужно. Излишнее количество денег выталкивается из каналов обращения рыночным механизмом. „Сколько бы денег—говорит Норт—не было доставлено из заграницы и сколько бы ни отчеканили их внутри страны, все, что превышает нужду в них для национальной торговли, является просто на просто благородным металлом и рассматривается только как таковой; эти отчеканенные деньги ценятся только по их металлическому содержанию, как продаваемые по случаю серебряные изделия“². Наоборот, когда в стране ощущается недостаток в деньгах, начинается стихийный прилив металлов на монетный двор. Норт просто и ясно объясняет, что деньги есть форма выражения ценности товара. Он говорит: „Что нужно людям, которые вопиют о деньгах? Я начну с нищего. Ему нужны деньги, и он настоятельно требует их. Что собирается он сделать с ними, когда их получит? Он купит хлеба и т. п. Но это значит, что на самом деле он нуждается не в деньгах, а в хлебе и в других жизненных припасах“³.

Норт доказывает, что жалобы на недостаток денег во время застоя в торговле необоснованы. Такие жалобы объясняются, по его мнению—непониманием действительных причин хозяйственных явлений. „Так как деньги служат всеобщей мерой для купли и продажи, то всякий, кто хочет что-нибудь продать, но не находит покупателя, склонен думать, что причиной, по которой его товары не находят сбыта, является недостаток денег, но это большая ошибка“⁴.

Причиной торгового застоя является недостаток в деньгах. Кризис сбыта—справедливо подчеркивает Норт—вызывается одной из следующих трех причин: а) переполнением внутреннего рынка; б) нарушением течения внешней торговли; в) уменьшением потребления вследствие обнищания страны.

¹ W. Roscher, цитиров. сочин., стр. 122.

² Цит. по Марксу „Теории приб. стоим.“, вып. 1, стр. 28.

³ Там же, стр. 27.

⁴ Там же.

Поэтому кризис сбыта может быть ликвидирован не увеличением денежной массы, а лишь устранением тех причин, которые его вызвали¹. Какое глубокое для того времени понимание взаимосцепления отдельных явлений хозяйственной жизни и их причин!

Норт развил и уточнил вопрос о проценте. Этот вопрос имел в то время актуальное значение. „Борьба между денежным капиталом (moneyd interest) и землевладением (landed interest) наполняет с небольшими перерывами все столетие от 1650 до 1750 года, так как дворяне, которые жили широко, с неудовольствием видели, что ростовщики забирают их в свои руки, а возникновение в конце XVII века новейшей системы кредита и государственного долга дало этим ростовщикам возможность успешно бороться с ними в области законодательства“². Петти, а за ним и Локк и Норт стали на точку зрения ростовщика, доказывая, что интересы развития хозяйства требуют свободы при установлении уровня процента. Но заслуга Норта заключается в том, что „у него впервые появляется определенное понятие о Stock'e или о капитале, или, вернее, о деньгах, являющихся простой формой капитала, поскольку они не служат средством обращения. У сэра Д'эдаля Норта впервые встречается *правильное понятие о проценте*, в противоположность представлению Локка“³.

Норт, как и Петти, доказывает лэндлордам, что их земельная рента ничем не отличается от денежной ренты. Природа их одна и та же. „Как землевладелец отдает в наем свою землю, так отдают в наем свой капитал те, которые владеют капиталом, но не обладают достаточным умением для употребления его в торговле и боятся трудностей, связанных с этим делом. *То, что они при этом получают, называется процентом*, но это только денежная рента, подобно тому, как доход землевладельца есть земельная рента... Значит, быть землевладельцем (landlord) это то же, что быть капиталистом (Stocklord)“.

Итак, природа процента и земельной ренты одинакова. Но размер дохода с капитала должен превышать доход с земли. Отдача капитала в ссуду связана с риском. Заемщик может с ними уйти и не вернуть их, в то время, как лэндлорд не рискует своей землей: ее унести нельзя. Поэтому ростовщик должен получить высшее вознаграждение, чем лэндлорд. Но чем определяется норма процента? Исключительно спросом и предложением, как цена всякого товара. Если предложение капита-

¹ Рошер, цитированное сочинение, стр. 88.

² См. К. Маркс, цитир. соч., стр. 26.

³ Маркс, там же, стр. 23, курсив наш.

лов превышает спрос, норма процента понизится и, наоборот, с возрастанием спроса она поднимается. Норт правильно выясняет взаимозависимость нормы процента и состояния торговли. „Не низкий процент оживляет торговлю, но с возрастанием национальной торговли избыток капитала понижает процент на капитал“¹.

Государство не должно вмешиваться в рыночные отношения при определении нормы процента. Норт подчеркивает, в противоположность Чайльду, что насильственное снижение процента не приведет к цели. Наоборот, высокий процент может привлечь в торговлю капиталы, которые при низком проценте лежали бы в сундуках. Словом, Норт требует полной свободы при определении уровня процента. Государственное регулирование вредно. Лучший регулятор — сам рынок, те колебания спроса и предложения.

Резкой критике Норт подвергает политику накопления денег в стране. Вредно и глупо накапливать деньги в стране. Их нужно толкать дальше в оборот, с тем, чтобы они возрасли. „Никто не становится богаче от того, что он держит у себя все имущество, в форме золота, серебряных вещей и т. д. Наоборот, он от этого беднеет. Богаче всех тот, чье имущество растет, и это независимо от того, состоит ли оно из отданной в аренду земли, или из капитала, отданного на проценты или же из товаров, пущенных в торговлю и промышленность“². Деньги, вывозимые из страны, способствуют увеличению национального богатства посредством внешней торговли. А торговля вообще — по мнению Норта — есть ни что иное, как взаимный обмен излишками. Такой обмен происходит не только между отдельными городами в пределах данного государства, но и между отдельными странами. Город, который решил бы только вывозить товары в другие города данного государства, но ничего не ввозить, т. е. только продавать, но ничего не покупать, оторвался бы от рынка данной страны. А это сделало бы его дальнейшее существование невозможным. В таком же положении очутится страна, которая захочет только продавать, но ничего не покупать, т. е. не вывозить денег. Ибо все страны в хозяйственном отношении теснейшим образом связаны между собою именно необходимостью взаимного обмена.

„Что касается торговли—говорит Норт по этому поводу,— то отдельная нация занимает в мире во всех отношениях то же положение, какое город занимает в государстве и семья в городе“³.

¹ Там же, стр. 41, по Маркеу, стр. 27.

² Там же, стр. 11.

³ Стр. 4. У Маркса, стр. 28.

Итак, Норт выступает впервые с требованием свободы торговли. Но он не только прокламирует ее, но, как мы видели, дает теоретический анализ ее необходимости.

„Сочинения Норта, оставляя в стороне их другие заслуги, составляют классическое, замечательное своей последовательностью изложение теории свободной торговли и всего, что касается ее внешних и внутренних сношений“¹. В. Рошер идет еще дальше и утверждает, что это сочинение не уступает „Богатству народов“ Ад. Смита. Он говорит: „Diess der Hauptinhalt des merkwürdigen Buches, zu dessen charakteristik und Lobe ich nichts Besseres zu sagen weiss, als dass es, mit äusserst wenigen und geringfügigen Aenderungen, ohne im Mindesten anzufallen, ein Kapitel des Adam Smith'schen Wealth of Nations, bilden Könnte, mit ähnlichen Vorzügen, ähnlichen Fehlern“².

Юм, как и Петти, кладет в основу своих рассуждений положение, согласно которого источником богатства является труд. „Все на свете — говорит он — приобретается посредством труда“³. Деньги не имеют самостоятельного значения: они не являются источником богатства, они служат лишь орудием обмена. „Деньги не составляют предмета торговли в собственном смысле слова: они суть только орудие, которое люди по общему соглашению употребляют для того, чтобы облегчить обмен одного товара на другой. Это — не одно из колес торговли, а масло, благодаря которому движение колес становится более плавным и свободным“⁴. Юм продолжает бороться с положением, гласящим, что источник богатства — деньги. Богатство страны — подчеркивает он — зависит не от количества денег, а наоборот, количество имеющихся в стране денег зависит от массы обращающихся в ней товаров. Подобно тому, как вода находится везде на одном и том же уровне, точно также деньги всегда находятся в равновесии с товарами сообразно труду, прилежанию и искусству нации. Всякие искусственные ограничения и меры могут только вредить, но не помогать делу⁵. Деньги — по мнению Юма — только представляют труд и товары. Поэтому увеличение количества денег в стране не означает увеличения ее богатства. „Так как при изобилии денег для представления того же количества товаров, то для нации, взятой в ней самой, это изо-

¹ Энгельс — Анти-Дюринг, стр. 211.

Такую же восторженную оценку сочинения Норта дает Маркс в „теориях приб. стоимости“. Там мы читаем: Оно (т. е. сочинение Норта С. Р.) отличается мастерской законченностью в пределах затрагиваемых им вопросов“, стр. 25.

² W. Roscher „Zur Geschichte etc“, стр. 92.

³ Д. Юм. Опыты. Изд. Солдатенкова, 1896 г., стр. 10.

⁴ Д. Юм. Опыт о деньгах, там же, стр. 20.

⁵ Д. Юм. Опыт о торговом балансе, там же, стр. 58.

билие не может быть ни полезно, ни вредно—все равно, как ничего не изменилось бы в торговых книгах, если бы вместо арабских цифр, которые требуют небольшого числа знаков, стали употреблять римские, состоящие из большего количества знаков¹. Таким образом, Юм еще раз после Чайльда, Д'Эвентента и Норта доказал, что политика, направленная на увеличение денег в стране, нецелесообразна; она не только бесполезна, но иногда даже вредна. „Изобилие денег даже стеснительно и неудобно, т. к. затрудняет перевозку и хранение денег... А что касается внешней торговли, то большое обилие денег даже вредит ей, поднимая цену всякого рода труда“². Юм высмеивает опасения сторонников торгового баланса, что золото и серебро уйдут из страны. „Я столько же боюсь того—говорит он—что населенная и деятельная страна останется без денег, как и того, что все наши источники и реки иссякнут“³. Свой „опыт“ о торговом балансе Юм кончает следующими словами: „Одним словом, каждое правительство имеет веские основания заботиться о сохранении своего населения и своих мануфактур. А относительно денег оно может спокойно без страха и зависти положиться на обычный ход человеческих дел, или, если оно обращает какое-нибудь внимание на этот предмет, то должно делать это лишь настолько, насколько он влияет на население и трудолюбие“⁴. Эту же мысль, как мы видели выше, высказали уже Чайльд и Д'Эвентент.

Подчеркивая, что трудолюбие и население являются источниками богатства, Юм, тем не менее, рассматривает купцов, как основной фактор производства. „Купцы—говорит он—принимают участие в производстве, являясь как бы каналами, по которым оно расходится во все углы государства; в то же время благодаря своей бережливости они приобретают огромное влияние на это производство и скопляют богатства в виде труда и товаров, главными орудиями производства которых являются они же сами“⁵.

По вопросу об уровне процента и определяющих его факторах, Юм идет значительно дальше Локка и Петти. Последние утверждали, что высота процента регулируется массой наличных денег. Юм же рассматривает высоту процента в теснейшей связи с уровнем торговой прибыли. „Здесь будет

¹ Д. Юм. Опыт о деньгах, там же, стр. 24.

² Там же, стр. 24—25.

³ Опыт о торговом балансе, там же, стр. 54.

⁴ Там же, стр. 74.

⁵ Д. Юм. Опыт о проценте, стр. 44. Энгельс по этому поводу говорит: „Он (т. е. Юм С. Р.) обнаруживает ту же несостоятельность“, когда по старой моде приветствует „купца“ как главную пружину производства—зablуждение, от которого оторкся уже Петти (Анти-Дюринг, стр. 215).

уместно заметить, что низкий процент и малый торговый барыш представляют собою два явления, взаимно поощряющие друг друга, и что как тот, так и другой обусловливается развитием торговли, которое обогащает купцов и увеличивает прибыльность торговли¹. Там, где торговля высоко развита, имеются свободные капиталы, ищущие приложения. Поэтому предложение капиталов превышает спрос на них, а это обуславливает низкий уровень процента. Падение прибыли в торговле заставляет купцов довольствоваться более низким размером процента. „Обширная торговля—говорит Юм, способствуя образованию больших капиталов, уменьшает одновременно и $\frac{0}{100}$ и прибыль, при чем в понижении первого ей всегда помогает соответственное понижение последней, и наоборот“². Уровень процента является, по мнению Юма, истинным барометром хозяйственной жизни страны. Низкий процент—показатель высокой ступени развития народного хозяйства. Высокий процент, наоборот, свидетельствует о медленном темпе развития торговли и промышленности.

Итак, Юм с большей ясностью, чем его предшественники, доказал, что источником богатства является торговля и промышленность и что количество денег в стране определяется массой товаров.

Каково же отношение Юма к земледелию? Он, конечно, не оспаривает значения земледелия для хозяйства страны, но не думает выдвинуть его на первый план, как это сделала реакция против меркантилизма во Франции.

„Все, что полезно для жизни человека,—говорит он—рождается из земли, но лишь немногие предметы являются в таком виде, чтобы можно было тотчас воспользоваться ими. Поэтому, кроме крестьян и землевладельцев, должен существовать класс людей, которые, получая от крестьянина сырые продукты, придают им удобную форму и часть их сохраняют для своих собственных потребностей“³. Земледелие не является самой производительной отраслью хозяйства. Необходимой предпосылкой развития земледелия является—по Юму—прогресс торговли и промышленности. Без торговли, без мануфактур не может усовершенствоваться земледелие. „Когда нация имеет излишек в мануфактурах и механических искусствах, то и землевладельцы, и фермеры изучают земледелие, как науку, удваивают свое трудолюбие и внимание. Излишек, получающийся от их труда, не пропадает; он выменивается на те мануфактурные про-

¹ Там же, стр. 45.

² Там же, стр. 46.

³ Там же, стр. 41.

дукты, которых тогда начинает требовать роскошь жизни¹. Итак, торговля и мануфактура не только не бесплодны, но являются важнейшей пружиной в производстве; развитие земледелия является следствием процветания торговли. Даже Кантильон (о нем речь будет ниже), который выставил целый ряд положений, воспринятых физиократической системой², не дошел, однако, до утверждения физиократов об исключительной производительности земледелия.

Каковы причины такой умеренной критики меркантилистической системы в Англии? Почему английская реакция против меркантилизма не привела к созданию новой системы, диаметрально противоположной меркантилизму? Почему английская критика меркантилизма не договорилась до положения об исключительной производительности земледелия и бесплодности остальных отраслей хозяйства?

Нам кажется, что ключ к пониманию этого умеренного тона мы должны искать в особенностях хозяйственного развития Англии. Географическое положение Англии очень способствовало быстрому развитию ее торговли и промышленности. А. Смит говорит: „Естественным плодородием своей почвы, длинным протяжением берегов сравнительно с пространством всей страны, числом пересекающих ее рек... Англия самой природой предназначена быть может более, чем какая бы то ни было другая страна Европы, ко всемирной иностранной торговле, к мануфактурным заведениям для снабжения своими произведениями самых отдаленных рынков, и ко всем, находящимся в связи с такой торговлей, промыслам“³. Со времен Кромвеля Англия превратилась в могущественное торговое государство. Внешняя торговля Англии, ее колониальные предприятия и судоходство достигли громадных размеров. Экономическая действительность, под непосредственным влиянием которой находились английские экономисты, показывала наглядно, что торговля и судоходство обогащают страну, что торговля и промышленность — основные нервы хозяйственной системы Англии. И эти экономические факты нашли свое выражение в научных взглядах английских экономистов конца 17 и начала 18 века. „Для английских экономистов — говорит Генрих Кунов — главная задача заключалась скорее в исследовании вопроса: на каких основах должна вестись английская торговля,

¹ Опыт о торговле, стр. 10.

² Кенэ в своей статье *Grains* ссылается на сочинение Кантильона. *Essai sur la nature du commerce en général* 5 и 6 гл. гл., см. *Oeuvres économiques et philosophiques de F. Quesnay* под ред. А. Онкена. 1888 г., стр. 218.

³ Смит. „Исследов.“ и т. д. II т., стр. 219.

дабы она еще больше способствовала росту богатства страны“¹. Поэтому английские экономисты приходили к другим выводам, чем физиократы, даже тогда, когда исходили из одинаковых основных положений. Из положения, что только земледелие доставляет прибавочный продукт, физиократы приходят к выводу, что торговля и промышленность бесплодны. А Джемс Стюарт, например, ставит следующий вопрос: „Что произойдет с прибавочным продуктом сельского хозяйства, если он не будет реализован торговлею и не найдет сбыта среди промышленного населения, и приходит к выводу, что сельское хозяйство может развиваться и содействовать росту населения лишь в том случае, если оно будет развиваться в одном направлении с промышленностью“².

И действительно, развитие сельского хозяйства в Англии шло рука об руку с развитием промышленности. Развитие мануфактур в Англии содействовало развитию овцеводства, как у крупных землевладельцев, так и у мелких крестьян. „И нет хлебопашца — говорит Гаррисон, у которого бы на лугу и разных обрезках не паслось несколько овец, доставляющих ему тонкое руно“³. Сельское хозяйство Англии в конце 17 и начале 18 века развивалось очень быстро. „Насколько применение корнеплодов для зимнего скота было отличительной чертой сельского хозяйства в XVII, настолько же распространение искусственных удобрений и травосеяние составляют его особенность в XVIII стол.“⁴. В Англии поощряли одновременно развитие как промышленности, так и сельского хозяйства; там обе эти отрасли хозяйства не стояли в таком резком противоречии друг к другу, как во Франции. Во Франции, наоборот, экономическая политика делала резкие переходы от поощрения земледелия при Сюлли к политике Кольбера, поощрявшей, главным образом, торговлю и промышленность в ущерб сельскому хозяйству. В Англии сельское хозяйство, как сказано выше, процветало при меркантилистической системе, а во Франции оно было разрушено.

Социально-экономическое положение Англии первой половины 18 века не могло способствовать созданию такой цельной экономической системы как учение физиократов. В Англии того времени были заложены по мнению Стефана Бауэра краеугольные камни экономической теории „aber es bedurfte eines

¹ Г. Кунов. „Теории прибавочной стоимости до Ад. Смита“ в сборнике „Основные проблемы политической экономии“ под ред. Дволайцкого и Рубина, 1922 г., стр. 283.

² Там же.

³ См. Гиббинс.—„Промышлен. история Англии“. 1898 г., стр. 97.

⁴ Там же, стр. 105.

besonderen Anlasses um aus ihnen ein Lehrgebäude aufzuführen. Dieser Anlass hat in England gefehlt“¹.

Законченная физиократическая система могла родиться лишь на французской почве вследствие специфических особенностей ее социально-экономического уклада. „Появление физиократов—говорит Маркс—связано как с борьбой против кольтеризма, так и в особенности с крушением системы Джона Ло“².

IX.

Физиократическая система выдвинула с особенной энергией вопрос о возрождении сельского хозяйства, захиревшего при меркантилистической системе Кольбера. Поэтому для более ясного понимания социально-экономических корней этой системы необходимо познакомиться с положением сельского хозяйства и промышленности Франции 18 века. Несмотря на решительные мероприятия Кольбера, промышленность Франции находилась в жалком положении. „Франция 18-го века—говорит М. Ковалевский—страна по преимуществу земледельческая. Несмотря на покровительственную систему, на обложение иностранных мануфактуратов высокими пошлинами, и ограничение свободы вывоза хлеба, с целью обеспечить дешевое продовольствие и низкий уровень заработной платы, промышленность едва занимает ежегодно три миллиона рабочих рук, то есть восьмую или девятую часть населения“³. Одной из основных причин отсталости французской промышленности 18 века является отсутствие внутреннего рынка: крестьянство, как увидим ниже, было разорено непосильными налогами и низкими урожаями. А на внешних рынках Франция не могла конкурировать с более сильными соперниками. Промышленная техника Франции 18 века была очень низка. Преобладало, главным образом, мелкое производство.

„В этом отношении (то есть техники С. Е.)—говорит И. Лучицкий—Франция стояла не только ниже Англии, но даже Германии⁴. И не только Англия и Германия, но даже Голландия, Швеция и Россия стояли в некоторых областях

¹ См. St. Bauer. Zur Entstehung der Physiokratie auf Grund ungedruckten Schriften Fr. Quesnays, „Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik“ herausg. v. Prof. Conrad. N. F. XXI 1890. S. 148.

² К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, вып. I, стр. 46.

³ М. Ковалевский. Происхождение современной демократии, т. I, 1895 г., стр. 203.

⁴ И. Лучицкий. Крестьянство во Франции 18 века, ст. в „книге для чтения по ист. нового времени“, II. стр. 267.

выше Франции ¹. Правда, Кольбер прекрасно понимал, что для под'ема промышленности необходимы технические усовершенствования. Он приложил все свои силы к тому, чтобы поднять технический уровень Франции: он выписывал мастеров из за- границы, энергично распространял профессиональное образо- вание в стране, переводил из заграницы оборудованные ману- фактуры с живым и мертвым инвентарем. Кольберу хотелось, чтобы французская промышленность опередила другие страны, Ему приписывается следующее выражение: „Мы должны по- бедить другие народы нашей промышленностью и одолеть их нашим вкусом“. Для этой цели он установил целую систему регламентов, которая должна была способствовать усовершен- ствованию приемов труда. Регламенты касались способов фа- брикации, характера употребляемых сырых материалов, способа упаковки и т. д. На первых порах эта усиленная регламента- ция вызвала расцвет некоторых отраслей промышленности, про- изводящих преимущественно предметы роскоши. Но в конце концов мелочная опека, усилившаяся при наследниках Коль- бера, превратилась в оковы для промышленности и парализо- вала инициативу предпринимателей. Об отсталой технике Фран- ции свидетельствуют следующие факты. Во Франции еще в 1873 году „не знали способа приведения в движение прядиль- ных машин водой, что уже давным давно применялось в Англии“ ². В то время как в Англии было 550 штук „Мюль - дженни“— во Франции была только одна; в Англии—143 машины Арк- райта, а во Франции—8; простых неусовершенствованных „дженни“ во Франции было лишь около 900 в то время, как в Англии к этому времени было уже 20.970 усовершенствован- ных в 80 веретен механизмов³. Во Франции „в начале 1806 го- да—говорит Е. Тарле—Мюль-дженни, повидимому, был еще на положении не очень распространенного новшества и даже простые дженни отмечаются, как прогресс. Старая прялка еще владеет целыми департаментами, особенно теми, где кустарные промыслы главенствуют“ ⁴. Тяжелая промышленность Франции (железоделательная и сталелитейная) стояла значительно ниже, чем в других странах. „В железоделательной технике Франция отстала не только от Англии или Германии, но также от Швеции и России“ ⁵.

¹ Я. Захер и А. Вигдорчик. „Экономическое положение Франции накануне революции“, в сборнике „Англия и Франция на исходе 18 века“ 1922 г., стр. 91.

² См. Захер и Вигдорчик, цитир. сочинение, стр. 91.

³ Там же, стр. 92.

⁴ См. Е. Тарле, *Континентальная блокада*, Москва, 1912 год, стр. 161.

⁵ Захер и Вигдорчик, цитир. соч., стр. 95.

Франция 18 века почти не знала машинного производства. Самой распространенной формой промышленности была домашняя промышленность и мелкое производство. Даже в мыловаренной промышленности—наиболее развитой отрасли—на 46 мыловарен в Марселе, центре мыловарения, приходилось 675 человек, т. е. 14—15 человек в каждом предприятии. На 12-ти свечных фабриках в этом же городе в 1789 году было занято всего 150 человек, т. е. 12—13 человек в каждой „фабрике“¹. Итак, промышленность Франции 18-го века находилась в зачаточном состоянии.

Перейдем теперь к выяснению положения сельского хозяйства Франции 18 века. Сельское хозяйство Франции того периода находилось в состоянии упадка и разорения. И это печальное положение сельского хозяйства обуславливалось следующими обстоятельствами: 1) Распределением земельной собственности. 2) Отсталостью сельско-хозяйственной техники. 3) Разорительной налоговой системой. 4) Недостатком капитала в земледелии и 5) Низкими ценами на хлеб.

К концу 18 века закончился в общем в Северо-Восточной Германии, Дании и Англии процесс „округления земель“ и образования крупных владений. И эти изменения в поземельных отношениях создали необходимые предпосылки для организации крупного производства в земледелии². Но совершенно другую картину мы наблюдаем во Франции.—„Крестьянство французское—говорит И. Лучицкий—удержало значительную часть земель в своих руках и даже, в последней четверти 18 века, до некоторой степени увеличило количество собственной земли“³. Приведем некоторые данные, показывающие, как была распределена земля между отдельными сословиями:

Область.	Дворянство и духовенство вместе.	Крестьянство.
Артуа	51 ⁰ / ₀	33 ⁰ / ₀
Пикардия	47,9 ⁰ / ₀	36,7 ⁰ / ₀
Бургундия	46,7 ⁰ / ₀	33,1 ⁰ / ₀
Лимузен	17,7 ⁰ / ₀	59,2 ⁰ / ₀
Верх. Овернь	13,1 ⁰ / ₀	50 ⁰ / ₀

¹ „То, что называли фабрикой во Франции 18 века, не было фабрикой в современном смысле этого слова. Фабрики и на Севере как и на Юге Франции, где сравнительно более всего была развита промышленная деятельность, были предприятиями с ничтожным количеством станков“ (см. И. Лучицкий, цит. соч., стр. 267).

² Разумеется, что толчком к изменению этих поземельных отношений послужила торговля хлебом и скотом, которая велась этими странами с остальной частью Европы.

³ И. Лучицкий, цит. соч., стр. 246.

Область.	Дворянство и духовенство вместе.	Крестьянство.
Керси	17,5 ⁰ / ₀	54 ⁰ / ₀
Дофинэ	14 ⁰ / ₀	40,8 ⁰ / ₀
Ланд	23,3 ⁰ / ₀	52 ⁰ / ₀
Беарн	21,1 ⁰ / ₀	60 ⁰ / ₀
Тулузен	32,7 ⁰ / ₀	35 ⁰ / ₀
Руссильон	36 ⁰ / ₀	40 ⁰ / ₀

М. Ковалевский считает, наоборот, что во Франции 18 века происходил процесс концентрации земель в руках привилегированных сословий и уменьшения крестьянской собственности. В результате детального изучения наказов накануне революции 1789 года М. М. Ковалевский приходит к следующему выводу: „В общем—говорит он—только что приведенные факты производят то впечатление, что мелкая крестьянская собственность представляла во Франции прошлого столетия величину слишком незначительную, чтобы поколебать справедливость того общего положения, что монополизация земли в руках дворянства и высшей буржуазии была господствующей чертой отмененного революцией социального порядка“¹. Но М. Ковалевский признает в другом месте, что подавляющее большинство земель находилось „в фактическом владении крестьян, снимавших их у помещиков на началах наследственной аренды (чинша или цензива)“². Итак, значительная часть земли во Франции 18 века находилась в руках крестьянства, которое вело свое хозяйство примитивным способом, не имея возможности применять более или менее усовершенствованную технику.

Кроме того необходимо отметить, что владения дворянства и духовенства были очень разбросаны и раздроблены. В Пикардии, например, земли двух крупнейших дворян-землевладельцев были разбросаны в 14 и 10 приходах, а в области Артуа наиболее богатое аббатство **Сен-ва** владело землями в 10 приходах³. Такая раздробленность крупных владений обусловливала необходимость сдачи их в аренду. Из 112 дворян-собственников Лимузена только 13 вели самостоятельно хозяйство, а остальные сдавали землю в аренду крестьянам. Обрабатывать землю при помощи наемного труда, как общее правило, было невыгодно еще потому, что цены на хлеб во Фран-

¹ См. М. Ковалевский, происхождение современной демократии, т. I, ч. ч. I и II, 1901 год, стр. 88.

² Там же, стр. 89. Нам кажется, что спор между Ковалевским и Лучицким идет по поводу формальных моментов. М. Ковалевский, как видно, придает слишком большое значение юридической стороне вопроса. На самом деле, чем отличается наследственная аренда от собственности? Ведь и земля, находившаяся у крестьянства на началах аренды, могла свободно продаваться.

³ Захер и Вигдорчик, цитиров. соч., стр. 71.

ции были низкие. Следовательно, и на дворянской земле организовывались не крупные, а мелкие крестьянские хозяйства.

Мы выше сказали, что крестьянская собственность на землю даже возрастала в 18 веке. Тем не менее было очень много безземельных и малоземельных, число которых значительно колебалось в отдельных районах. Процент безземельных по районам колебался от 1—2⁰/₀ до 80⁰/₀. И несмотря на существование такого большого количества малоземельных и безземельных, процесс образования класса наемных рабочих в земледелии происходил очень медленно. Для этого отсутствовали необходимые предпосылки. „Особый самостоятельный класс свободных сельских рабочих отсутствовал тогда вовсе и при экономических условиях того времени выработаться не мог“¹. Малоземельное крестьянство снимало в аренду землю у дворян и духовенства. Наиболее распространенной формой аренды во Франции 18 века было половничество. Знаменитый путешественник Юнг, об'ехавший Францию в 80 годах 18 века, утверждает, что около ⁷/₈ всей земельной площади Франции, главным образом, в южных провинциях, находилось в руках половников. Эта система аренды заключалась в том, что арендатор отдавал половину урожая собственнику земли, а последний нередко давал арендатору средства на обсеменение, рабочий скот и т. д. Положение этих половников было очень печальное; они были обречены на нищенское существование. „Эти несчастные колонны—говорит о половниках М. Ковалевский—все разорены, так как им приходится затрачивать половину дохода и сверх того четыре динария с ливра той же выручки на уплату сениорального вычета и государственного налога, да еще нести выкуп за дорожную повинность. Многие из половников поставлены поэтому в необходимость бросить арендуемые участки по истечении годового срока найма“².

Еще хуже было положение тех крестьян, которые снимали землю в краткосрочную аренду. Они не получали от собственника земли ни обсеменения, ни рабочего скота; они должны были уплатить полностью все государственные повинности, падавшие на землю. Но не надо думать, что крестьяне-собственники находились в лучшем положении. Крестьянские земли, несмотря на то, что во Франции XVIII века крепостное право почти не существовало, были обременены большим количеством платежей и повинностей в пользу феодала. Дело в том, что только немногие крестьяне являлись полными собственниками своей земли (так называемая аллодиальная собственность), подавляющее большинство владело чиншной землей. И феодаль-

¹ И. Луцицкий, цитиров. соч., стр. 255.

² М. Ковалевский, цитиров. сочин., т. 1-й, ч. 1 и II-я, стр. 63.

ные повинности, падавшие на землю, были довольно разнообразны и многочисленны. Е. Тарле перечисляет в своей работе „Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху великой революции“ следующие повинности:

1. **Ценз** — известная сумма денег, которую собственник земли ежегодно платил сеньеру. Размеры этого ценза были в разных случаях разными.

2. При переходе цензивы от одного собственника к другому, новый собственник должен был уплатить сеньеру определенную сумму денег.

3. Продавая и покупая землю, продавец и покупатель обязаны были уплатить сеньеру известную сумму денег.

4. Нередко ценз, уплата деньгами, заменялся шампаром, т. е. уплатой натурой.

Крестьянин-собственник обязан был отдавать $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{8}$, а иногда даже $\frac{1}{4}$ жатвы.

5. Сеньер кроме того мог требовать, чтобы крестьяне мололи хлеб только на его мельнице, пекли хлеб только в принадлежащих ему печах, выжимали виноград, только пользуясь его точилом. А за эти услуги сеньер устанавливал определенную плату. Нередко сеньер отдавал на откуп свое право местному мельнику или пекарю. Сеньер, наконец, взимал определенные поборы с крестьян даже тогда, когда они мололи и пекли хлеб у себя дома, на своей собственной мельнице и в собственной печи.

6. Сеньер взимал еще за проезд по дорогам, за пользование прудом, озером, рекой, за устройство базаров и ярмарок и т. д.

7. Кое-где к перечисленным тяготам присоединялась и барщина: крестьяне-собственники работали несколько дней (5—10—12—15) в году на сеньера. Но барщина была в XVIII веке редким исключением².

Все эти повинности разоряли крестьянское хозяйство, как арендатора—половника, так и собственника. Говорить о более или менее рациональном ведении хозяйства, разумеется, при таких условиях не приходится.

К этим тяжелым феодальным повинностям присоединялись еще не менее тяжелые и опустошительные государственные налоги. Налоговое бремя падало главным образом на крестьянство. Так, например, дворянство совсем освобождалось от основного прямого налога тальи, а духовенство откупалось от него взносом ежегодно определен-

¹ М. Ковалевский, цитиров. сочин., т 1-й, ч. ч. I и II-я, стр. 63.

² См. Е. Тарле „Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой Революции“. 1919 г., стр. 11—13.

ной суммы денег. Налоги возрастали с каждым годом. В 1439 г. от тальи поступило в казну менее 2-х миллионов ливров, при Кольбере—около 40 миллионов ливров, а за сто лет от Кольбера до Неккера талья возросла более, чем в два раза и достигла 91 миллион. Не меньшим злом являлось неравномерное распределение этих налогов по отдельным районам. Так, например, при общем увеличении тальи в 3 раза в одной деревне с 1715 г. по 1789 г. она увеличилась в восемь с половиной раз. Возрастали не только прямые налоги, но и косвенные. О росте налогового бремени за 200 лет показывают следующие цифры:

Поступления от прямых налогов в 1607 г. составляли 16 миллионов ливров, а в 1786 г. 229 миллионов ливров. От косвенных налогов в 1607 г.—11,5 миллионов ливров, а в 1786 г.—311 миллионов ливров¹.

Из косвенных налогов особенно тяжелым был налог на соль. И помимо того, что косвенные налоги были очень тяжелы, форма их взимания была очень произвольная. Так, например, обязывали каждого купить известное количество соли. „В силу ордонанса 1680 г.—читаем мы у Тэна—каждое лицо старше семи лет обязано ежегодно покупать по семи фунт. соли; это составляет новый прямой налог, который также, как и подати, служит для казны средством засовывать свою руку в карман плательщиков“².

Лица, у которых была обнаружена надсмотрщиками контрабандная соль, подвергались наказаниям. Ежегодно за неисполнение соляного налога бывало 4 тысячи конфискации имущества, 3400 приговоров к тюремному заключению, 500 приговоров к плети, изгнанию, галерам³.

Мы уже сказали выше, что основную массу налогоплательщиков составляло крестьянство. О неравномерном распределении налогов между сословиями свидетельствуют следующие цифры: Духовенство вносило в казну в виде налогов до 1789 г. $\frac{1}{3}$ своего дохода, дворянство— $\frac{1}{6}$, а крестьянство— $\frac{2}{3}$. Следовательно, крестьянство платило налогов вдвое больше, чем духовенство, и в 4 раза больше, чем дворянство. Но и в пределах 3-го сословия налоги неравномерно распределялись. В Шампани, например, одни приходы на 100 ливров дохода платили налог в 54 ливра 15 су, а в других налог на 100 ливров дохода достигал 71 ливра 13 су⁴.

¹ См. Н. Кареев. Очерки истории французских крестьян с древнейших времен до 1789 г. 1881 г., стр. 125—126.

² И. Тэн. Происхождение современной Франции (старый режим) перев. с франц. Э. Пименовой. 1907 г., стр. 439.

³ Н. Кареев. Цитир. сочин., стран. 126.

⁴ Там же, стр. 127.

Налоги поглощали львиную долю крестьянского дохода. „42%—говорит Н. Кареев—представляют еще отношение благоприятное, бывало, что налог составлял и 55%, 70% и даже 85% дохода“¹. И если присоединить не менее тяжелые феодальные поборы и десятину, то станет ясно, что почти весь доход крестьянского хозяйства поглощался, с одной стороны, государством, а с другой—феодалом. Вот почему земледелие приходило в упадок и крестьянство страшно нищенствовало. Крестьянские жилища имели самый плачевный вид. Во многих не было даже окон, некоторые хижины не имели печей и жители их должны были в холодное время года греться в хлебах. Одежда крестьянская была самая жалкая, и даже для зимы они не имели часто ничего, кроме полотняной блузы и пенькового плаща. Жилью и одежде соответствовала и еда: овес, ячмень, репа, каштаны и хлеб самого плохого качества составляли исключительную пищу сельского населения². Доходность земледелия была очень низка и поэтому громадные пространства земли не обрабатывались, а те земли, на которых велось хозяйство, обрабатывались очень плохо.

„Крестьянское хозяйство—говорит М. Ковалевский—пало так низко, что во многих местах оно едва покрывает издержки производства, а в других нет возможности найти на землю покупателя ни на каких условиях. Чтобы уплатить чинш, крестьянину приходится нередко продать все, что он имеет, не исключая рабочего скота и навоза“³. В результате такой низкой доходности земли—неурожаи и голодные годы. И. Тэн по этому поводу говорит: „Когда король спросил епископа Шартского о положении населения в его епархии, то он отвечал, что голод и смертность там дошли до таких размеров, что люди едят траву, словно овцы—и мрут, как мухи“⁴. „Со всех сторон,—говорит он в другом месте,—можно видеть руки, протягивающиеся к королю, который является всеобщим раздавателем милостыни. Народ похож на человека, идущего через пруд, где вода достигает ему до самого рта; достаточно малейшего понижения дна, малейшей волны, чтобы он потерял почву под своими ногами, начал тонуть и захлебываться“⁵. Налоговая система и произвол при взимании налога лишали крестьянство стимула к улучшению способов обработки земли. На самом деле, зачем улучшать? Все равно достанется феодалу и казне. „Если я стану добывать больше, то это пойдет не мне, а сбор-

¹ Там же, стр. 127.

² Там же, стр. 129.

³ М. Ковалевский. Цитир. соч., стр.137—138.

⁴ И. Тэн. Цитиров. соч., стр. 404—405.

⁵ Там же, стр. 412—413.

щику, говорит один крестьянин. Неограниченный и ежегодный грабёж отнимает у них (т. е. у крестьян С. Р.) даже желание быть зажиточным¹. Французское крестьянство не только не хотело, но и не могло улучшать производство: не было средств.

Не меньшим тормозом к развитию сельско-хозяйственной техники являлась регламентированная со стороны государства хлебная торговля. Кольтер строго запрещал вывоз хлеба и сырья за границу для того, чтобы держать цены на эти продукты на низком уровне. И внутри страны торговля хлебом строго регламентировалась. Продажа хлеба должна была совершаться только на рынках, запрещался вывоз хлеба из одной провинции в другую. Эта регламентация привела к тому, что в одних районах цены на хлеб были низки, в то время, как в других они были очень высоки. И разумеется, что такой неустойчивый уровень цен на сельско-хозяйственные продукты должен был препятствовать нормальному развитию сельского хозяйства. „Сельское хозяйство—говорит И. Рубин—страдало одновременно и от низкого уровня цен на хлеб и от неуверенности, порождаемой постоянными их колебаниями“².

Сельско-хозяйственная техника во Франции XVIII века была очень низка. Свободные капиталы, которые имелись в стране, не шли в сельское хозяйство вследствие низкой его доходности и падающих на него тяжелых налогов. „Собственник, желающий получить доход со своей земли, не находит для ее обработки никого, кроме бедняков, у которых нет ничего, кроме собственных рук“³. Класа наемных рабочих и фермеров—предпринимателей во Франции 18-го века почти не было. Господствующей системой обработки земли было трехполье, а в некоторых районах сохранилось даже двухполье. Травосеяние применялось только в немногих районах севера и востока Франции. Земледельческие орудия были очень примитивны. Рабочего скота было очень мало. По мнению Артура Юнга земледелие во Франции XVIII века находилось еще в периоде X-го века. За исключением Фландрии да Эльзасской равнины, поля оставляются под паром через каждые два года или даже через год. Земледельские орудия плохи, железных плугов совсем нет и во многих местах еще придерживаются плуга Виргилия. Оси телег и обода колес деревянные и во многих случаях бороною служит лесенка телеги. Скота мало, а потому мало и навоза⁴. Одной из основных причин экстенсивного хозяйства являлся недостаток рабочего скота, обуслов-

¹ Там-же, стр. 437.

² И. Рубин. Физиократы, изд. „Книга“, 1926 г., стр. 19.

³ И. Тэн. Цитир. сочин., стр. 417.

⁴ И. Тэн. Цитир. соч., стр. 415.

ленный сокращением общинных угодий и запрещением со стороны феодалов свободного прогона стад по их землям¹. Не удивительно поэтому, что урожаи были очень скудные, не более чем сам-пять и что часто приходилось переживать голодные годы. Упадок земледелия и обнищание крестьянства являлись результатом отживших, устарелых социально-политических порядков. При сеньориальной системе землевладения не могло быть речи о подъеме сельского хозяйства. А развитие сельского хозяйства является необходимой предпосылкой развития производительных сил в городе—развития капитализма.

Сеньориальная система была в известной мере не выгодна даже для самого дворянства. „В то время, как поселянин, по выражению некоторых кайе (т. е. наказов С. Р.) „обнищал под бременем поборов в пользу собственника“, сам этот собственник не выручал со своих земель той ренты, какую доставила бы ему сдача их в аренду: он должен был сверх того поступиться доброй частью своего дохода в пользу всякого рода посредников. Вот почему картине крестьянского обеднения мы не можем противопоставить быстрого роста зажиточности и богатства в среде привилегированных“².

К концу XVIII века стало ясно, что сеньориальная система должна быть коренным образом изменена. Даже дворянство в некоторых наказах высказывалось против чиншевого владения и соглашалось на уступку $\frac{1}{3}$ земли крестьянству, в частную собственность. „Такое предложение—говорит М. Ковалевский—как нельзя лучше указывает на то, что в глазах помещиков чиншевое владение, с его установленной обычаем рентой, было настолько невыгодно, что потеря даже доброй части земельного фонда казалась им предпочтительнее“³. Разумеется, что дворянство стремилось к захвату общинных земель и превращению их из феодальной в частную собственность путем огораживания и изгнания крестьян. А потом они могли бы сдавать землю в аренду богатым фермерам. Такой процесс огораживания земель и образования класса богатых фермеров происходил в Англии. В эпоху *физиократов*, в середине 18-го века, казалось, что отмена сеньориальной системы и возрождение разоренного сельского хозяйства возможно только по образцу Англии, т. е. путем обезземеления крестьянства: в то время в Англии фермерский тип хозяйства успел уже доказать свою выгодность. Поэтому физиократы стали проповедниками фермерского хозяйства и во Франции. Они предлагают заме-

¹ См. Ковалевский. Происх. современ. демократии, т. I, ч. ч. I и II-я, стр. 143.

² Ковалевский. Цит. соч., т. I, ч. I и II, стр. 253.

³ Там-же, стр. 150

нить старую систему землевладения капиталистической фермерской арендой. Разумеется, что последняя была выгодна дворянству и зажиточным слоям крестьянства. Среднее и бедное крестьянство могло извлечь выгоду из этого процесса лишь постольку, поскольку оборотной стороной его являлся другой процесс: формирование класса наемных рабочих в сельском хозяйстве. Несомненно, что крестьянину, обремененному феодальными и государственными повинностями, выгоднее было стать батраком. «Даже во взгляде на общинные земли и общинные сервитуты экономисты (т. е. физиократы С. Р.) сходились с той частью крестьян, которая стремилась выработаться в сельскую буржуазию. Положительно можно сказать, что повсеместное введение во Франции рекомендованной физиократами фермерской обработки земли с уничтожением общинных земель и сервитутов было бы самой радикальной революцией в экономическом строе из всех перемен, ими потребованных, и эта революция была бы сделана против крестьянства»¹. Физиократов совершенно не интересовала судьба крестьянства. Их внимание и заботы были сосредоточены исключительно на сельском хозяйстве и объективных причинах, препятствовавших его процветанию. „Физиократы—говорит Кареев—родня агрономов, у которых на первом плане стояло хозяйство, а не хозяин“². Физиократы были убеждены, что только капиталист фермер может восстановить разоренное сельское хозяйство и умножить богатство страны. И поэтому они доказывали необходимость создания благоприятных условий для развития капиталистических отношений в земледелии. Мы уже видели, что прогрессу сельского хозяйства во Франции XVIII века препятствовали: 1) сеньориальная система землевладения, 2) низкая сельско-хозяйственная техника, 3) недостаток капиталов, 4) налоговая система, 5) низкая цена на хлеб. Физиократы решительно боролись против этих условий. Они доказывали необходимость рационализации земледелия, при чем образцом для них являлось английское фермерское хозяйство. Они подвергли суровой критике меркапиталистическую политику низких хлебных цен и заощрения вывоза хлеба за границу. Они требовали полного освобождения земледельцев-фермеров от налогов. Только землевладельцы, получающие чистый доход в виде ренты, должны—по мнению физиократов—платить налоги. Отсюда их учение о „чистом продукте“ (Porduit net) и едином налоге. Экономическая теория физиократов органически связана с их практической борьбой за развитие производительных сил страны. Учение физиократов—лучшее доказательство того, что теория

¹ См. Н. Кареев. Цитир. сочин., стр. 145—146.

² Там-же, стр. 136.

является обобщением опыта. Физиократическая система есть ни что иное, как борьба за капиталистическое сельское хозяйство, переведенная на язык абстрактных законов. Их учение может быть правильно понято только на социально-экономическом фоне Франции XVIII века.

X

Первая попытка дать теорию народного хозяйства сделана физиократами, а именно Франсуа Кенэ. Последний впервые поставил вопрос об общественном воспроизводстве, о связи процесса обращения с производством и т. д. И эта гениальная попытка обеспечила Кенэ славу основателя политической экономии.

Не надо, однако, думать, что физиократическая система не имеет предшественников. Целый ряд положений, вошедших в систему взглядов физиократов, был высказан задолго до них Буагильбером, Вобаном, Кантильоном и другими. Но только Кенэ соединил все эти высказанные уже до него положения в единую стройную научную систему. „Родственные физиократам идеи—говорит К. Маркс—встречаются кое-где и у предшествовавших им (т. е. физиократами С. Р.) более ранних писателей, как, например, отчасти в самой Франции у Буагильбера. Но только у физиократов они становятся системой, создающей эпоху“¹. Наиболее важными из предшественников физиократов являются Буагильбер, Вобан, Аржансон и Кантильон².

Буагильбер (1646—1714 г.г.) задолго до физиократов требовал улучшения положения крестьянских масс. Он называл себя представителем класса земледельцев. Буагильбер³ хорошо понимал, что для развития сельского хозяйства необходимо поднять цену на хлеб. Он считал необходимым последовать примеру Англии, установившей хлебным законом 1689 г. справедливые цены на хлеб, удовлетворявшие как землевладельцев, так и земледельцев. Правда, слишком высокие цены, вызванные недостатком средств существования, ухудшают по-

¹ К. Маркс. Теория приб. ст., вып. I, стр. 41.

² В известном смысле можно говорить о Петти, Локке и Юме, как предшественниках физиократов. С. Бауэр отмечает, что Юм и Петти пользовались большим авторитетом во Франции. И на самом деле, критика Юма теории торгового баланса деликом принята физиократами, см. S. Baner. „Die Entstehung etc“, стр. 146.

³ Буагильбер говорит, что он хочет быть *«l'organe des laboureurs et habitans des champs»* см. Lohmann „Vauban, seine Stellung in der Geschichte der Nationalökonomie und sein Reformplan“, стр. 55.

ложение населения. Но высокие цены при нормальных условиях являются—по мнению Буагильбера—лучшим доказательством благосостояния страны. От низких же цен народ всегда страдает. С этой целью он требовал свободного вывоза хлеба за границу и запрещения ввоза его во Францию. „Формула *Laissez faire laissez passer*“, которую можно было предполагать у Буагильбера, у него еще не встречается, хотя иногда кажется, что она вертится у него на языке¹. Он подверг критике учение меркантилистов о деньгах. Он доказывал, что ошибочно рассматривать золото и серебро, как единственный источник богатства и счастья жизни. Деньги—по мнению Буагильбера—являются только средством обмена. Он говорит: „Не будучи пригодным ни для чего сами по себе, деньги призваны на службу человеку, только чтобы облегчить обмен“. Целью обмена является продукт, потребительная стоимость. Деньги же сами по себе потребительной ценности не имеют. „Деньги—говорит он—не едят и не пьют, они также непригодны для нашей пищи, как и для нашей одежды, поэтому они не богатство в себе“².

Буагильбер не оставил без внимания и вопрос о налоговой политике. Он, как и впоследствии физиократы, высказывается за отмену налогов на бедных, не создающих чистого дохода. „В государственном теле—говорит он—бедные то же, что глаза и череп в человеческом—части, наиболее слабые и нежные, а богатые—точно руки и туловище; удары, наносимые их карману, в видах покрытия государственных потребностей, для них нечувствительны,—так они крепки и сильны; но те же удары почти смертельны для слабых членов (т. е. для бедных)“³. Отсюда Буагильбер делает следующий вывод. „Если бы богатые сознавали свои настоящие интересы, они совершенно освободили бы бедных от налогов“⁴. Налог не должен устанавливаться по произволу. Размер налога должен соответствовать доходу. „Надо—говорит он—чтобы налоги... были пропорциональны платежным способностям, а следовательно, чтобы государь требовал много с того, кто имеет много, и мало с того, кто имеет мало“⁵.

3. Буагильбер касается в своих сочинениях также вопроса о законах производства и обращения.

¹ А. Онкен. Цитированное сочинение, стр. 257—58.

² Boisguillebert. *Dissertation sur la nature de richesse, de l'argent—et des tributs* E. Daire „Collection“ т. I, стр. 396.

³ Boisguillebert „*Factum de la France*“, стр. 309. Цитировано по Ковалевскому. Происхождение современной демократии, том I, 1895 г., стр. 503.

⁴ Там же, стр. 308.

⁵ Там же, стр. 307. Приведено у Ковалевского, стр. 503.

4. Он также, как физиократы, исходит из естественного порядка¹.

Если Буагильбер сосредоточил свое внимание на положении сельского хозяйства, то Вобан (1623-1707 г.) главным образом подвергал критике господствующую в то время налоговую систему. Мы уже сказали выше, что налоговое бремя падало всей своей тяжестью на низшее сословие. Духовенство и дворянство ускользали от действия налогового пресса. Вобан доказывал, что необходимо привлечь к платежу налогов всех подданных. Для этой цели он предлагал ввести „королевскую десятину“ (по образу церковной) с сохранением некоторых налогов на предметы потребления².

Вобан доказывал, что необходимо поднять благосостояние низшего сословия. „Я считаю—говорит он—своим долгом и своей нравственной обязанностью доложить его величеству, что, как мне кажется, во все времена во Франции не обращали достаточного внимания на простой народ, и что его всегда ни в грош не ставили. Это самая разоренная и самая жалкая часть королевства и, однако, эта та часть, которая наиболее значительна по своей численности, по важным и действительным услугам ею оказанным, ибо она несет на себе всякие тяжести и более всех страдает“. Богатство страны—по мнению Вобана—заключается не в золоте и серебре. „Истинное богатство страны—заявляет он—заключается в изобилии с'естных припасов, употребление которых так необходимо для существования людей“³.

Ломанн на протяжении всей своей работы доказывает, что Вобан—меркантилист. Большое количество сельско-хозяйственных продуктов признается Вобаном очень важным для страны—по мнению Ломанна—только потому, что это необходимо для того, чтобы прокормить многочисленное население. А последнее является будто бы для Вобана, как и для всех меркантилистов, основой богатства страны.

Нам кажется, что Ломанн перегнул палку. Вобан несомненно является предшественником физиократов в той части их системы, которая выдвигает требование единого налога⁴.

Маркиз Аржонсон (1694—1757 г.г.) выступал более решительным противником меркантилистической системы, чем Буа-

¹ Lohmann, цитиров. соч., стр. 37.

² Это предложение казалось Людовику XIV очень революционным. По приказанию короля сочинение Вобана было сожжено палачом. Несмотря на это Людовик ввел королевскую десятину, не отменивши существовавших уже до этого налогов.

³ Приведено у Lohmann'a, цитиров. соч., стр. 42—43.

⁴ Правда, проект Вобана предполагал кроме „Королевской десятины“ и другие налоги на предметы потребления. Тем не менее, проект Вобана подготовил в известной мере почву для физиократов.

гильбер и Вобан. Основа благосостояния страны по его мнению заключается не в развитии торговли, а „во всеобщем хорошем земледелии, в ремесле жителей, неспособных к земледелию. и в здоровой внутренней торговле“¹. Аржонсон требовал, как и Вобан, реформы прямых налогов. Он первый решительно протестовал против меркантилистической регламентации и ограничений в торговле. „Чтобы управлять хорошо—говорил он— надо меньше управлять“. Разве не следует прежде всего испытать, хорошо ли вообще подвергать экономический строй такому мелочному заботливому управлению?... И не будет ли лучше предоставить его самому себе, ограничиваясь обыкновенной защитой?².

Аржонсон требует предоставления полной свободы торговле. Девизом государственной власти должно быть по его мнению: не вмешивайтесь (*Laissez faire*). Не только внутренняя торговля, но и внешняя должна быть освобождена от всяких стеснений. Обращение товаров между странами должно быть также свободно, как обращение воздуха и воды. Для этой цели он требовал отмены таможенных границ и превращения всей Европы в единый рынок. Аржонсон, следовательно, первый выдвинул лозунг: „*Laissez faire*“, который с добавлением „*Laissez passer*“ вошел в физиократическую систему.

Гурнэ (1712-1751 г.г.) должен быть признан предтечей физиократов постольку, поскольку он отстаивал необходимость отмены всех регламентов и ограничений, препятствовавших развитию городской промышленности и торговли. Гурнэ сгруппировал вокруг себя молодых способных чиновников для борьбы против монополистических привилегий и компаний, против стесняющих свободное развитие промышленности цеховых регламентов. Гурнэ, как и Кенэ, имел перед собой, как образец для требуемых реформ во Франции, Англию. Но в то время, как Кенэ считал основной задачей экономической политики государства развитие класса богатых фермеров, Гурнэ выступал защитником интересов торговли и промышленности. Он считал, что лучшим средством борьбы против меркантилистической политики является распространение сочинений английских экономистов, главным образом Чайльда³.

Можно согласиться с мнением Онкена, считающего, что Гурнэ в своих требованиях реформ не пошел дальше Чайльда. Он говорит: „Если спросить, в каком направлении написаны сочинения учеников Гурнэ и его собственные статьи, ответ

¹ Цитиров. по Онкену. Истор. полит. эконом., стр. 279.

² Там же.

³ Сочинение Чайльда Гурнэ сам перевел под названием „*Traité sur le commerce et sur les avantages qui resultent de la réduction de l'intérêt de l'argent*“.

будет заключаться в том, что они, за единственным исключением сочинений Тюрго, написаны в духе Чайльда, на авторитет которого они постоянно ссылаются. Гурнэ в своем предисловии к сочинению Чайльда говорит, что оно содержит „лучшие принципы торговли“ (les meilleurs principes que l'on connait en fait de commerce). Тюрго также считает Гурнэ последователем Чайльда. Он говорит: „Заслуга Гурнэ состоит в том, что он первый стал распространять во Франции идеи Чайльда. И если эти идеи когда-нибудь будут осуществлены нашим правительством, то будущее поколение должно будет благодарить за это Гурнэ“¹. Гурнэ требовал только свободы внутренней торговли, а в отношении внешней торговли он требовал лишь умеренной системы пошлин для того, чтобы дать возможность французской промышленности конкурировать более успешно с иностранцами. Итак мы видим, что Гурнэ не является безоговорочным сторонником принципа „Laissez faire“, как Аржансон. Тюрго, как видно, немного преувеличил, когда он в своем „Eloge de Gournay“ заявляет: „De là, M. de Gournay concluait que lorsque l'intérêt des particuliers est précisément le même que l'intérêt général, ce qu'on peut faire de mieux est de laisser chaque homme libre de faire ce qu'il veut“².

Школа Гурнэ резко расходилась с физиократами и по основному вопросу системы последних. Физиократы считали, что источником богатства является только земледелие, в то время, как последователи Гурнэ считали, что промышленность и торговля также производительны. Кроме того Гурнэ был сторонником личных налогов, против которых так яростно боролись физиократы.

Итак Гурнэ является предшественником физиократов лишь в отношении борьбы против существовавшего меркантилистического порядка³.

Ближе всех к физиократам, как систематик и теоретик, стоит Ричард Кантильон. Он был крупным банкиром ирландского происхождения, переселившийся во Францию, где нажил очень большой капитал во времена Джона Ло. Через некоторое время он вернулся в Лондон. В 1734 г. он был ограблен и убит своим поваром французом. В 1733 г. Кантильон написал

¹ „Et si ces principes deviennent un jour adopté par notre administration dans le commerce . . . nos descendants sauront que la reconnaissance en sera due à M. de Gournay“ см. Oeuvres de Turgot т. I, 1844 г., стр. 286.

² Там же, стр. 270.

³ Нельзя отрицать однако, говорит Онкен, что школа Гурнэ послужила впоследствии образцом для собраний „секты“ физиократов; в этом смысле можно говорить о Гурнэ, как о предшественнике Кенэ. По существу между ними нет ничего общего, если не считать отрицательного отношения к господствующему порядку вещей. (Онкен, стр. 295).

сочинение „Essai sur la nature du commerce en général“, появившееся только в 1755 г. Это сочинение—по мнению С. Джевонса—положило начало политической экономии, как науке. Он говорит: „Эта книга, больше, чем всякая другая из известных мне книг, является первым трактатом по политической экономии“¹.

Возможно, что Джевонс склонен немного переоценивать роль Кантильона. Но нет сомнения в том, что Кантильон высказал целый ряд положений, характеризующих физиократическую систему“².

Такого мнения придерживаются Ингрэм, Каутц, Рошер и Гиггс. Ингрэм считает, что „основные положения этой школы (т. е. физиократической С. Р.) были впервые изложены в 1755 г. Ричардом Кантильоном, французским купцом, ирландского происхождения“³.

Каутц заявляет, что Кантильон „решительно подчеркивает физиократический момент; поэтому его можно считать предшественником французских экономистов (т. е. физиократов С.Р.)“. „Am entschiedensten betont er übrigens das physiokratische Moment, weshalb man ihn . . . als einen Vorläufer der französischen Oekonomisten bezeichnen kann“⁴.

У Кантильона мы находим формулировку основного положения физиократов об исключительной производительности земледелия. Он говорит: „Земля есть источник или вещество, из которого получается богатство; человеческий труд есть форма, которая его создает; а самое богатство состоит ни в чем другом, как в средствах существования, комфорта и жизненных удовольствиях“. (La terre est la source ou la matière, d'où l'on tire la richesse; le travail de l'homme est la forme qui la produit; et la richesse en elle même n'est autre chose que la nourriture, les commodités et les agréments de la vie)⁵. Еще отчетливее высказывает Кантильон это положение в другом месте: „Все сословия и все население страны существуют или обогащаются за счет собственников земли“⁶. Джевонс считает, что в этой ци-

¹ „It is thus, more than any other book I know, the first treatise on economics“ см. W. Stanley Jevons. „Richard Cantillon and the Nationality of Political Economy“, см. в журнале „The contemporary Review“ volume XXXIX January-June. 1881 г., стр. 67—68.

² В. Либкнехт также считает Кантильона предшественником физиократов, см. В. Либкнехт. История теории стоимости в Англии и учение К. Маркса, 1924 г., стр. 47.

³ Д. Ингрэм, цитир. соч., стр. 84.

⁴ J. Kautz. Die geschichtliche Entwicklung der Nationalökonomie und ihrer Literatur. Wien. 1860, стр. 320.

⁵ Richard Cantillon. Essai sur la nature du commerce en général, traduit de l'anglais. 1775 г., стр. 1 - 2.

⁶ „Tous les ordres et tous les Hommes d'un Etat subsistent ou s'enrichissent aux dépens des propriétaires des Terres“, там же, стр. 55.

тате заключается „зерно физиократической доктрины“ (the germ of the Physiocratic doctrines)¹.

Кантильон не ограничивается, однако, утверждением, что труд придает форму материальному богатству. У него мы находим попытку разрешить вопрос о квалифицированном труде. Труд ремесленника должен—по мнению Кантильона—оплачиваться выше труда земледельца, т. к. обучение ремеслу требует предварительной подготовки и сопряжено с риском. „Те, которые пользуются трудом ремесленников, должны обязательно оплатить их труд выше, чем труд земледельца или чернорабочего, и труд этот будет дорог в соответствии с временем, которое затрачивают на его обучение и издержками и риском, необходимыми для усовершенствования в нем“². Итак, Кантильон считает, что земля и труд создают материальные блага. И это положение предопределяет рассуждения Кантильона о ценности. Факторами, создающими ценность вещи, являются земля и труд. „Цена или внутренняя стоимость вещи есть мерило земли и труда, затраченных на ее производство, при чем принимается во внимание плодородие земли и качество труда“. Le prix ou la valeur intrinseque d'une chose est la mesure de la quantité de terre et du travail qui entre dans sa production en égard a la bonté ou produit de la terre et à la qualite du travail“³. Но Кантильон хорошо понимает, что цена может отклоняться от ценности. „Случается часто—говорит он—что многие вещи, имеющие действительно эту внутреннюю стоимость, не продаются на рынке по этой стоимости“⁴.

И эти колебания рыночной цены вокруг стоимости определяются соотношением спроса и предложения. Если предложение товаров (например, зерна) соответствует спросу, то цена на рынке будет совпадать с „внутренней стоимостью“, если же предложение зерна превышает спрос, то рыночная цена зерна неизбежно упадет ниже „внутренней стоимости“, и наоборот⁵. Кантильон подчеркивает, что изменения рыночной цены не являются, как общее правило, результатом изменения внутренней стоимости. Ежедневные изменения рыночных цен обусловлены „невозможностью“ приспособить производство товаров и с'естных припасов к потребителю. „Mais l'impossibilité de proportionner la production des marchandises et denrées à leur con-

¹ S. Jevons, цитиров. соч., стр. 71.

² R. Cantillon, цитиров. соч., стр. 24.

³ Там же, стр. 36.

Здесь, очевидно, сказывается влияние Петти на Кантильона. Последний, как и Петти, искал отношение (un Repart) земли к труду.

⁴ Там же, стр. 36.

⁵ Там же, стр. 37—38.

sommation dans un état cause une variation journaliere et un flux et reflux perpetuel dans les prix du Marché¹.

Итак мы видим, что Кантильон обнаружил глубокое понимание механизма рыночных цен. Он понимает, что спрос и предложение не определяют стоимость товара. Кантильон, следовательно, еще в середине XVIII века (1733 г.) доказал несостоятельность теории спроса и предложения².

Не меньше внимание уделяет Кантильон вопросу о деньгах. Деньги—по мнению Кантильона—не являются результатом соглашения между людьми; они вызваны необходимостью иметь общее мерило для установления меновой пропорции и ценности обмениваемых вещей. Он говорит: „Мы видим..., что необходимость заставила людей пользоваться общей мерой для того, чтобы найти в обмене пропорцию и ценность обмениваемых с'естных продуктов и товаров (des denrées et des marchandises, dont ils voloient faire échange)³“.

Золото и серебро выдвинулись—по Кантильону—как выполнители роли денег потому, что они обладают целым рядом свойств, делающих их более пригодными для выполнения этой роли⁴. Чем же определяется ценность денег? Кантильон отвечает: „Действительная или внутренняя ценность металлов (речь идет о благородных металлах С. Р.) как и всех вещей находится в соответствии с количеством труда и земли, затраченных на их производство⁵“. Итак, Кантильон высказал правильные для того времени соображения по вопросу о ценности—цене и деньгах. И это, несомненно, сближает его с физиократами.

Мы уже сказали выше, что—по Кантильону—источником богатства является земля. Поэтому доход каждого человека проистекает из фонда землевладельцев. В соответствии с этим он делит все население страны на 3 класса: 1 класс—землевладельцы, 2 класс—сельские хозяева и арендаторы и 3 класс—ремесленники и купцы. Кантильон подчеркивает, что основным является класс землевладельцев; он сообщает первый толчок всей хозяйственной деятельности страны. Остальные же 2 класса находятся в зависимости от него. „On peut établir,

¹ R. Cantillon, цитиров. соч., стр. 38—39.

² С. Джевонс считает, что Кантильон в своей теории ценности затрагивает такие трудные вопросы, которые Рикардо и Милль обошли молчанием. Он говорит: „Эти немногие страницы заключают в себе не только учение об отличии рыночной стоимости от рыночной цены, но и намеки на такие трудные проблемы, которые совершенно игнорировали Рикардо, Д. С. Милль и другие“. См. S. Jevons, цитиров. соч., стр. 69.

³ R. Cantillon, цитиров. соч., стр. 141.

⁴ См. цитиров. соч., стр. 130 и 142.

⁵ Там же, стр. 127.

que éxcepté le prince et les propriétaires de Terre, tous les habitans d'un Etat sont dépendans; qu'ils peuvent se diviser en deux classes, savoir en Entrepeneurs et en Gens à gagés"¹. Кантильон старается охватить процесс обращения в целом. „В Англии—говорит он—уже общеизвестным является мнение, что фермер должен выработать три ренты: первая—главная постоянная рента, которая предполагается равной стоимости $\frac{1}{3}$ продуктов фермы, идет в пользу собственника земли, другая рента идет на содержание людей и лошадей, которые служат при обработке фермы, и, наконец, третья поступает самому фермеру для поддержания его личного существования и существования предприятия. Таким образом эти три ренты должны рассматриваться, как главные источники или, так сказать, первыми толчками обращения в стране (le premier mobile de la circulation dans L'état)². Половина продуктов земледелия потребляется в деревне или непосредственно или после обмена натурой. Другая половина попадает в руки городского населения: фермеры обменивают $\frac{1}{6}$ своих продуктов на изделия ремесленников, а землевладельцы оставляют в городе целую $\frac{1}{3}$ продуктов земли, следовательно, половину продукта земли потребляет деревня, а вторую половину—город³.

Кантильон дает нам здесь только примерную схему распределения общественного продукта, он заявляет: „Ce calcul n'est que pour donner une Idée generale de la proportion“⁴.

Мы можем, однако, рассматривать эту схему, как ближайшую предшественницу экономической таблицы Кенэ.

У Кантильона мы находим также взгляды, приближающие его к меркантилистам. Так, например, он считает, что государственное вмешательство очень полезно для народного хозяйства. Придавая большое значение торговому балансу, Кантильон, как и меркантилисты, советовал вывозить за границу мануфактурные изделия и ввозить необходимое сырье. Но несмотря на эти указанные меркантилистические взгляды, Кантильон должен быть признан одним из ближайших предшественников физиократической системы. Основное положение физиократов, что класс земледельцев питает класс промышленников и торговцев, отчетливо формулируется Кантильоном. Совершенно правильно замечает по этому поводу проф. А. Эспинас: „Время, в которое эта книга редактирована (1733 г.) и личные знакомства автора с Ло сблизяют автора с меркантилистами. Но основные идеи

¹ Там же, стр. 71.

² Цитир. сочин., ст. 159—162.

³ См. цитиров. соч., стр. 56—57—58.

⁴ Там же, стр. 58. А. Онкен утверждает, что в утерянном дополнении к „Essai“ Кантильон иллюстрирует свою схему движения общественного продукта подробными цифровыми данными (см. Онкен, цитиров. соч., стр. 283).

его книги именно те, что экономическое движение зависит от земледельческого труда и что экономический порядок устанавливается сам собой, делают его (т. е. Кантильона С. Р.) скорее прототипом всей последующей французской школы, несмотря на то, что книга его вышла в свет во время, когда школа эта уже существовала¹⁾.

Ознакомившись подробнее со взглядами Буагильбера, Вобана, Аржансона и Кантильона, мы можем прийти к следующему выводу. Отдельные положения физиократической системы высказывались задолго до физиократов. Только последние сумели создать из них стройную экономическую систему.

XI

Итак мы выяснили, что корни физиократической системы лежат в первой половине XVIII века. Франсуа Кенэ (1694—1774 г.г.) соединил высказанные до него положения в единую целостную систему, поэтому он и считается творцом физиократической системы. „Процесс развития (физиократической системы С. Р.)—говорит А. Онкен—совершался только в голове Кенэ, ни один из его учеников не принимал в этом участия“³⁾

Нам кажется, что в разработке и распространении физиократических взглядов приняли участие и ученики Кенэ. Наиболее активными и ближайшими учениками Кенэ являются Мирабо, Дюпон-де-Немур и Тюрго. У Тюрго мы находим—по мнению Маркса—наиболее ясную и точную формулировку физиократического учения. Остановимся теперь вкратце на отдельных этапах развития физиократической системы.

Кенэ родился в семье мелкого землевладельца. Лишившись еще в детстве отца, он вынужден был прокладывать себе дорогу упорным трудом. 17-летний юноша, Кенэ берется за изучение хирургии. По окончании учения, Кенэ поселился в маленьком городке, где успел обнаружить недюжинные способности в области медицины. Через некоторое время благодаря

¹ См. А. Эпинас „История политико-экономических доктрин“, перевод с франц. изд. Я. Канторовича, стр. 195.

² См. W. Hasbach. Die allgemeinen philosophischen Grundlagen der von F. Quesnay und A. Smith begründeten politischen Oekonomie, 1891 г., стр. 151.

³ Онкен, цитир. соч., стр. 321.

знакомству с некоторыми аристократическими семьями Кенэ удалось переехать в Париж. В Париже Кенэ был избран секретарем и преподавателем хирургической академии. Громкая слава о Кенэ, как о талантливом враче, распространилась в аристократических кругах и в 1749 г. он был приглашен в качестве домашнего врача к фаворитке Людовика XV, госпоже Помпадур. В 1752 г. он был назначен также официальным придворным врачом и возведен в дворянское достоинство за свои научные заслуги в области медицины и „в награду за самопожертвование, обнаруженное им во время болезни дофина“¹. В 1753—56 г.г. Кенэ, уже 55-летний старик, переходит к разработке экономических вопросов. Нет сомнения в том, что на этот шаг толкнула его именно придворная жизнь, доставившая ему возможность наблюдать поближе правительственную политику и встречаться с философами и политиками, обсуждавшими экономические и политические вопросы, Кенэ писал своему другу: „Я достал себе небольшую ложу для того, чтобы лучше видеть главных актеров мировой сцены. Я вижу главную правительственную квартиру“².

Первые его статьи на экономические темы „фермеры“ и „зерновой хлеб“ были напечатаны в 1756 г. и 1757 г. в знаменитой энциклопедии Дидро. В этих статьях Кенэ уже выступает решительным сторонником земледелия, высказываясь за крупное фермерское хозяйство. В 1757 г. Кенэ встретился с Мирабо старшим, который придерживался меркантилистических взглядов. В результате продолжительных бесед Мирабо отказался от своих прежних взглядов и стал „старшим учеником“ Кенэ. Вот как описывает эту встречу сам Мирабо: „Я почерпнул мои первые и единственные понятия об этом предмете из „Essai sur la nature du commerce“ Кантильона, манускрипт которого находился почти 16 лет в моем владении. Этот выросший в торговой среде автор, который заслуживает быть названным во многих отношениях гением, довел в своих исследованиях и наблюдениях до крайности заблуждение настоящего строя, по которому торговля должна считаться началом богатства. Согласно с этим я, как он и многие другие, принимая кажущееся за действительность, заключал, что если я, держа руку перед глазами, заслоняю солнце, то, стало быть, моя рука больше солнца. Я рассуждал следующим образом: „Богатства— плоды земли и человеческой деятельности. Только человеческий труд обладает способностью увеличивать богатства. Следова-

¹ Там же, стр. 323.

² Г. Гиггс „Физиократы“, перев. с англ. под ред. П. Струве, 1899 г. стр. 18.

тельно, чем больше людей, тем больше труда, чем больше труда, тем больше богатств. Таким образом путь к благосостоянию следующий: 1) увеличение населения, вследствие этого 2) увеличение продуктивного труда, в результате чего 3) увеличение богатства. Я считал себя таким непобедимым в этой своей позиции, что основал на ней все мое политическое мировоззрение; сюда относятся: брачные законы, законы против излишней роскоши и т. д. Вряд ли Голиаф вступил в бой с большей уверенностью, чем я подступил к тому человеку, который, как я узнал, написал о моей книге следующее замечание: „Ребенок выпил скверного молока, хотя сила темперамента влечет его к верным результатам, но в принципах он ничего не понимает“... Мой критик (т.е. Кенэ С. Р.) не любил долго разговаривать. Он прямо заявил мне, что я впрямь быков сзади плуга и что Кантильон, мой политический учитель, большой дурак. Я счел сумасшедшим того человека, который произнес это поношение; из вежливости я прекратил разговор. К моему счастью я вернулся вечером, чтобы со свежей головой продолжать беседу. Тут то и случилось, что Голиафу раскроили череп. Мой собеседник просил меня оказать людям такую же честь, как и овцам, для увеличения числа которых, увеличивают раньше пастбища. Я возражал на это, что овцы являются лишь второстепенной причиной благосостояния, между тем как человека необходимо рассматривать, как перво-причину создания плодов. В ответ на мое возражение он засмеялся и попросил объяснить ему подробнее и ответить, не захватил ли человек при своем появлении на свет в свой карман хлеба, которым он мог бы жить до тех пор, пока он вспашет, засеет, снимет урожай и обмолотит его? Этот аргумент совершенно побил меня“¹. До этой встречи Мирабо боролся против „огораживания“ и проникновения капиталистических начал в земледелие. Кенэ же убедил его в том, что, наоборот, земледелие может процветать только при разложении патриархально-феодальных отношений и переходе к фермерскому типу хозяйства по образцу Англии. Скелет всей концепции Мирабо составляло его положение: чем больше население страны, тем больше ее богатство. И здесь то ему раскроили череп. Это положение удалось Кенэ опровергнуть одним замечанием: необходимым условием размножения овец является предварительное увеличение пастбищ.

„В деревне“—говорит Кенэ—следует привлекать не столько людей, сколько богатства, т. к. чем больше богатства за-

¹ Приведено у Онкена. цитиров. соч., стр. 325—326.

трачивается на культуру земли, тем менее людей требует она, тем более дохода приносит она"¹. Эту же мысль подчеркивает Кенэ и в XXVI принципе. „Следует обращать меньше внимания на увеличение населения, чем на возрастание доходов“². (Qu'on soit moins attentif à l'augmentation de la population qu'à l'accroissement des revenus). После этой знаменитой встречи Мирабо стал убежденным сторонником учения Кенэ. Мирабо — представитель феодального землевладения—был побежден выразителем интересов нарождающейся сельской буржуазии: „Произошло — говорит И. Рубин—столкновение двух социально экономических программ, окончившееся победой последней, буржуазно-фермерской. Утопическая мечта Мирабо о добром патриархальном барине и счастливом мужике разбилась о печальный, но реальный факт: об отсутствии у них обоих необходимых для рационализации земледелия капиталов“³. Встреча Кенэ с Мирабо в 1754 г. может считаться датой рождения физиократической школы. Развитие физиократической школы можно разделить на два периода: первый — 1757-67 г. и второй 1767—1776 г. Появление в 1776 г. знаменитого сочинения А. Смит способствовало крушению физиократической школы. В течение первого периода были выработаны Кенэ основные положения системы, которые развивались в деталях впоследствии его учениками. В 1758 г. появилась в незначительном количестве экземпляров созданная Кенэ экономическая таблица, которая содержит экономическую теорию физиократов. „Общие принципы экономической политики земледельческого государства“, появившиеся в этом же году, представляют собою опыт применения физиократической теории в действительности. С появлением в 1765 г. сочинения Кенэ „Естественное право“ была закончена работа над созданием физиократической системы. В 1765—66 году Кенэ пришлось неоднократно выступать на страницах „журнала сельского хозяйства, торговли и финансов“, редактируемого Дюпон-де-Немуром в защиту своих идей. В особенности резкую критику вызвало положение Кенэ о непроизводительности торговли и промышленности. Во главе противников физиократов стоял Форбоннэ, доказывавший, что физиократы унижают торгово-промышленный класс. Если Кенэ и вся физиократическая школа считают, как увидим ниже, торговлю отраслью земледелия, то Форбоннэ, наоборот объявляет земледелие отраслью торговли. Форбоннэ говорит: „L'agriculture,

¹ F. Quesnay. Oeuvres économiques et philosophiques, publiées... par A. Onken 1888 г., стр. 333.

² Там же, стр. 336.

³ И. Рубин, цитиров. соч., стр. 36.

les manufactures, les arts liberaux, la pêche, la navigation, les colonies, les assurances et le change forment huit branches du commerce“

Кенэ со всей ясностью подчеркивал, что выражение „не-производительный“ не тождественно с выражением „вредный“, но, несмотря на это, Дюпон-де-Немур был отстранен и руководство журналом перешло в руки правого крыла школы Гурнэ.

В 1767 г. Бодо передал в распоряжение физиократов журнал *Ephémérides du Citoyen* (в дословном переводе „Ежедневная запись гражданина“), который превратился в орган физиократической школы. В 1767 г. Дюпон-де-Немур выпустил сборник статей Кенэ, помещенных в „Журнале сельского хозяйства, торговли и финансов“ под заглавием „Физиократия или естественное устройство правительства, наиболее выгодное для человеческого рода“. С тех пор последователи Кенэ стали называться физиократами. Очень много способствовали пропаганде физиократических идей и вербовке новых членов устраиваемые в салоне Мирабо собрания. Физиократические идеи стали модой. Физиократические идеи стали обсуждаться в салонах придворных дам, в прессе и в книгах. Идеями физиократической школы интересовались философы Вольтер и Руссо. В своих *Fragments sur l'histoire* Вольтер говорит: „Я прочел „*Ephémérides du Citoyen*“, произведение, достойное своего заглавия. Этого журнала и прекрасных статей о земледелии в *Encyclopedie*, по моему мнению, достаточно для просвещения и счастья целой нации... я ничего не писал по сельскому хозяйству, потому что никогда не сумел бы написать лучше того, чем это сделано в „*Ephémérides*“¹.

Этот восторженный отзыв о физиократах не мешал, однако, Вольтеру ядовито критиковать их по некоторым вопросам. И не только философы, но и коронованные лица интересовались этим новым учением. Известно, что Екатерина II пригласила к себе из Парижа Мерсье-де-Ла-Равьера в качестве советника при составлении новых законов. Физиократы не верили в творческие силы масс, поэтому они считали, что их система может быть осуществима властью имущими.

В июне 1774 г. Тюрго был назначен морским министром, и через некоторое время генеральным контролером финансов. Физиократы возлагали большие надежды на Тюрго; им казалось, что ему удастся осуществить физиократические идеи. И Тюрго действительно руководствовался физиократическими

¹ Гиггс, цитиров. соч., стр. 85.

принципами в своей деятельности. „В будущем—говорит он в своем письме к Людовику XVI—можно надеяться путем поднятия сельского хозяйства уничтожить злоупотребления при сборе налогов и установить более справедливое распределение повинностей, добиться значительного улучшения положения народа“¹.

Тюрго немедленно начал проводить крупные реформы. В сентябре 1774 г. он добился постановления королевского совета о восстановлении полной свободы внутренней хлебной торговли. § 4 этого постановления разрешает свободный ввоз хлеба во Францию из за границы, откладывая разрешение вопроса о свободе вывоза хлеба за границу на неопределенное время².

Но это противоречие основному физиократическому принципу объясняется тем, что Тюрго пришлось бороться в королевском совете с целым рядом влиятельных противников. „Постановление 13 сентября—говорит Я. Захер—было результатом компромисса между Тюрго и его противниками. Этим и объясняется, что оно во многом расходилось с теоретическими воззрениями самого Тюрго“³.

В марте 1776 г. Тюрго провел при сильнейшей оппозиции со стороны некоторых членов королевского совета очень важные реформы: 1) он упразднил цеховую систему и установил свободу промыслов, 2) была отменена натуральная дорожная повинность. Но все эти реформы восстановили против Тюрго реакционные слои французского общества. К этому враждебному настроению аристократии присоединилось еще недовольство широких народных масс. Дело в том, что урожай 1774 г. был очень плохой, кроме того отмена казенных хлебных операций обусловила заминку в снабжении городского населения продовольствием. В результате во Франции начался голод, а весной 1775 г. по всей стране прокатилась волна голодных бунтов, известных под названием „мучной войны“⁴.

Все эти обстоятельства должны были привести к падению Тюрго. А с его падением рушилась надежда на мирное осуществление физиократической программы. Крах практической программы физиократов привел к полному забвению и их теории. И только в середине XVIII века стали опять интересоваться

¹ Oeuvres de Turgot в издании Daire, Paris 1844 г. II, стр. 167.

² См. Oeuvre, т. II, стр. 176—77.

³ Я. Захер „Тюрго, как предшественник Маркса“, в записках научного общества марксистов № 6 (2 г.), 1924, стр. 140.

⁴ См. Захер, цитиров. сочин., стр. 141.

их идеями, К. Маркс первый дал ясный анализ физиократического учения и подчеркнул, что Кенэ должен считаться основателем политической экономии. В. Рошер по этому поводу говорит: „Dieses alles berechtigt nus... die Physiokratie als den Eingang in das wissenschaftliche Zeitalter der Nationalökonomie zu bezeichnen“¹.

XII.

Основой всей системы физиократов является их концепция естественного порядка, т. е. вечных непреременных законов природы, диктующих людям определенную форму общественной организации.

У мыслителей 17 века (Гроций, Гоббс, Локк) естественное право заключало в себе требование не только хозяйственной свободы, но и религиозной, политической и индивидуальной. У физиократов же учение о естественном праве ограничивается исключительно хозяйственной сферой. Свое сочинение „Естественное право“ Кенэ начинает следующими словами: „Естественное право человека может быть определено приблизительно, как право человека на вещи, пригодные для его пользования“². Но это не означает, однако, что право на „вещи, пригодные для пользования“ у всех людей одинаково. Такое понимание „естественного права“ может привести к критическим рассуждениям о неравномерном распределении богатств и т. д. А физиократы—идеологи зарождающегося капиталистического земледелия—хотели создать прочный порядок вещей, который обеспечивал бы наиболее сильному, предприимчивому и богатому свободное приложение своему труду, капиталу и энергии. Поэтому Кенэ решительно осуждает философов, которые увлекались „абстрактной идеей об естественном праве людей, предоставляющем **всем право на все**“³.

Каждый человек имеет право „**лишь на те вещи**, пользования которыми он может достигнуть“. (... il faudra... reduire ce droit naturel de l'homme aux choses dont il peut obtenir la jouissance)⁴.

¹ См. W. Roscher Geschichte der Nationalökonomie in Deutschland, стр. 481.

² См. Oeuvres de F. Quesnay, 1888 г., стр. 359.

³ См. цитирован. сочинение, стр. 366.

⁴ Там же.

Естественное право предоставляет больше „пригодных для пользования вещей“ тому, кто больше трудится... „Естественное право каждого человека сводится в действительности к той части, которую может он добыть своим трудом“. (le droit naturel de chaque homme se réduit dans la réalité à la portion qu'il peut se procurer par son travail) ¹.

„Личная свобода и собственность или уверенность в пользовании теми произведениями, которые каждый обеспечивает себе поисками, произведенными с целью удовлетворить своим потребностям, гарантированы, стало-быть, людям извне естественными законами, на которых покоится основной строй благоустроенных обществ“ ².

Трудолюбие, свободное соревнование, частная собственность—вот что дает возможность участвовать в распределении общественного богатства. А право всех на все бесплодная абстрактная идея, химерал.. „Его (т. е. человека С. Р.) право на все походит на право каждой ласточки на всех летающих по воздуху мошек, которое сводится в действительности к тому количеству, какое она может добыть трудом или поисками, предписываемыми потребностью“ ³.

О равенстве, следовательно, речи быть не может. Человек, отличающийся трудолюбием и предприимчивостью, естественно будет обладать большим количеством материальных благ. Неравенство не является—по мнению Кенэ—несправедливостью, установленной людьми. Неравенство обусловлено природой. И поэтому человек не может его отменить. „По своему принципу неравенство это не может быть ни справедливым, ни не справедливым; оно вытекает из известной **комбинации законов природы**; и люди, не имея возможности проникнуть **в замыслы верховного существа**, которые оно имело при создании вселенной, не могут возвыситься до понимания неизменных правил, предназначенных и установленных им для образования и сохранения своего творения“ ⁴.

Итак, богатство и бедность—не социальные явления, а явления природы. Отсюда понятно, что бороться против неравенства, против дифференциации сельского населения и образования класса богатых фермеров - капиталистов, означает бороться против „верховного существа“ и установленных им „неизменных правил“. Естественное право физиократов сво-

¹ Цитирован. сочинение, стр. 366.

² Там же, стр. 46.

³ Там же, стр. 366 - 367.

⁴ Там же, стр. 368. (Курсив наш).

дится, следовательно, к праву частной собственности и к праву на свободу хозяйственной деятельности¹.

„Собственность, как над недвижимыми, так и движимыми богатствами должна быть гарантирована их законным владельцам: так как обеспеченность собственности является основным фундаментом экономического строя общества“².

Физиократы не ограничивают права собственности человека на землю только таким участком, который может быть обработан собственными силами. Кенэ считает необходимым гарантировать и крупную земельную собственность. Крупное землевладение оправдывается Кенэ тем, что землевладельцы или их предки, первоначально занявшие землю, произвели предварительные затраты (*avances foncières*) для приведения ее в состояние, пригодное для обработки³. Если бы крупная земельная собственность не гарантировалась государством, не нашлось бы собственников „готовых произвести издержки, необходимые для того, чтобы придать ей (т. е. земле С. Р.) ценность и начать ее обработку“⁴. Крупное землевладение может быть терпимо постольку, поскольку землевладельцы сами вкладывают свои капиталы в земледелие или когда земля будет сдаваться в аренду капиталистам-фермерам. Стремление во что бы то ни стало создать капиталистическое земледелие заставило физиократов пойти на компромисс с классом землевладельцев⁵.

Но почему не делали физиократы из своего учения о естественном праве политических выводов? Почему они замыкают „естественное право“ в хозяйственные рамки? Ответ на эти вопросы вытекает из той конкретной обстановки Франции 18 века, описанной нами выше. Мы видели, что в эпоху физиократов сельское население состояло из землевладельцев, с одной стороны, и бедных крестьян собственников или чиншевиков—с другой. Класс фермеров только начал робко формироваться. Земледелие страдало от недостатка капиталов. Вся страна разорена. Единственным средством поднять благосо-

¹ Ср. Hasbach. Die allgemeinen etc, стр. 59.

² См. Oeuvres F. Quesnay, Maximes générales etc, стр. 33.

³ Тюрго не согласен с этим обоснованием крупного землевладения, которое дает Кенэ. Предварительные затраты на землю не могут являться— по его мнению — основанием собственности. В письме к Дюпон-де-Немуру Тюрго указывает, что эти затраты „содействуют со своей стороны получению жатвы, но они не могут быть принципом, на котором обосновывается собственность“.

⁴ Oeuvres, стр. 33.

⁵ См. И. Рубин. „Физиократы“, стр. 47—48.

стояние страны — по мнению физиократов — является под'ем сельского хозяйства. Но это возможно лишь при свободном соревновании творческих сил богатых энергичных фермеров, при отсутствии государственного регулирования цен на хлеб, при свободном вывозе сельско-хозяйственных продуктов за границу.

Основная задача заключалась в том, чтобы создать класс крепких, богатых фермеров. Но класс фермеров, как сказано нами выше, был в эпоху физиократов только в зародыше и не мог бы поэтому отстаивать свои интересы в борьбе как с сильными землевладельцами, так и окрепшей городской торгово-промышленной буржуазией. Кенэ считает, что власть, организованная по принципу представительства интересов всех классов французского общества, не могла бы обеспечить нормальное развитие класса фермеров и процветание земледелия: влияние фермеров на управление страной было бы слишком незначительным. „Сословие знати и крупных земельных собственников, плохо осведомленное о своих настоящих интересах и тех средствах, которые могли бы обеспечить его благоденствие (*peu instruit de ses veritables intérêts et de la sûreté de sa prospérité*), воспротивилось бы установлению налога на его земли: с целью уклониться от него оно прибегло бы к разорительным формам налогов, которые предоставили бы народ алчности и притеснениям сборщиков податей (*qu'il livreraient la nation à la voracité et à l'oppression des publicains*) и причинили бы опустошение территории коммуны, в которых преобладает третье сословие, состоящее из ремесленников, фабрикантов и торговцев, презирающих земледельца, совратили бы нацию с истинного пути для того, чтобы иметь возможность покупать произведения страны по дешевой цене, а ввозимые произведения перепродавать своим согражданам по дорогой цене, они стремились бы лишь к монополиям, исключительным привилегиям, к уничтожению взаимного содействия наций в международной торговле. С помощью своих огромных богатств, нажитых на счет наций, это сословие стало бы убеждать своих сограждан, что его исключительная торговля, вызывающая постоянные войны с соседними нациями, является источником богатств государства“¹.

Итак, демократическая форма правления препятствовала бы развитию и укреплению основного класса французского общества — класса фермеров. Исходя из этих соображений, физиократы высказываются за абсолютную монархию. Кенэ

¹ Oeuvres, Despotisme de la Chine, гл. 8, стр. 639.

говорит: „Власть должна быть едина и беспристрастна в своих решениях и действиях; поэтому она должна быть сосредоточена в одном властелине, который один имел бы исключительную власть и полномочия побуждать граждан к соблюдению законов, охранять права каждого гражданина от остальных граждан, защищать слабых от сильных“¹.

Физиократы, следовательно, высказываются за абсолютную монархию потому, что они считают эту форму правления наиболее пригодной для защиты интересов земледелия. И разумеется, что монарх не должен, по мнению физиократов—действовать по своему произволу. Распоряжения государственной власти должны находиться в строгом соответствии с предписаниями „естественного права“. Государственная власть является нормальной, с точки зрения физиократов, лишь тогда, когда она способствует осуществлению естественных законов. „Положительные законы—говорит Кенэ—суть правила, изданные верховной властью для того, чтобы установить порядок в администрации и управлении, обеспечить защиту обществу и точное соблюдение естественных законов“².

А естественные законы нарушать нельзя, им должны подчиняться „все люди и все человеческие власти“. Задача верховной власти заключается лишь в том, чтобы создать благоприятную обстановку для осуществления естественных законов. „Верховная власть может и обязана установить **законы** против явного беспорядка, но она не должна посягать на естественный строй общества“³.

Очень интересное сравнение Кенэ государя с садовником. Свобода государя в регулировании общественной жизни упирается в такие же непреодолимые естественные границы, как деятельность садовника, ухаживающего за деревом. „Садовник должен выдолбить мох, вредящий дереву; но он должен остерегаться вырезать корень, т. к. с помощью последнего дерево получает влагу, благодаря которой оно произрастает“⁴.

Садовник не может нарушить процесс развития дерева; так как „строение дерева само по себе представляет естественный порядок, регулируемый основными, неизблемыми законами, которые отнюдь не должны быть изменяемы противоположными законами“⁵.

¹ Там же, стр. 638—639.

² См. Oeuvres Le droit naturel, стр. 375.

³ Там же, стр. 642.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 642—643.

Подобно тому, как уничтожение корня может причинить гибель дереву, так и игнорирование со стороны государя естественных законов может нарушить правильное течение общественной жизни и ввергнуть страну в нищету. *Итак, власть государя ограничена господством естественных законов.*

Но что понимает Кенэ под естественными законами? „Естественные законы—говорит он—бывают либо физические, либо моральные. При этом под физическим законом понимается *правильное течение всякого физического явления из области естественного порядка, очевидно наиболее выгодного для людей.* Под моральным же законом подразумевается здесь *правильное течение каждого человеческого действия из области морального порядка, согласного с физическим порядком, очевидно наиболее выгодным для человеческого рода.* Совокупность этих законов составляет то, что называется естественным законом“¹.

Отсюда видно, что Кенэ устанавливает теснейшую связь между физическими и социальными законами. Естественные законы являются источником социальных. Это во первых. Во вторых, Кенэ рассматривает естественные законы под технико-экономическим углом зрения².

Нормальным является с точкой зрения Кенэ такой общественный строй, при котором принимаются все меры к максимуму увеличению продуктов сельского хозяйства и к его рационализации. Кенэ неоднократно указывает, что естественные законы устанавливают лучший способ производства и распределения продуктов. „Эти законы (т. е. естественные С. Р.) установлены творцом природы раз навсегда для *постоянного воспроизводства и распределения благ, необходимых для потребностей людей, соединенных в общество*“³. И дальше в том же сочинении мы читаем: „*Естественные законы общественного порядка являются в то же время физическими законами, по которым происходит воспроизводство благ, необходимых для питания, продолжения существования и удобства людей.* Человек, стало быть, отнюдь не является творцом этих законов, *регулирующих ход явлений природы и человеческий труд,* который вместе с силами природы должен содействовать воспроизводству благ, потребных для людей. Весь этот порядок составляет часть физического устройства. Это же устройство образует физический порядок, подчиняющийся своим законам людей, соединенных в общество“⁴.

¹ Quesnay Oeuvres, Le droit naturel, стр. 374—375.

² См. И. Рубин. Цитирован. сочин., стр. 51.

³ Quesnay, Oeuvres, Despotisme de la Chine, стр. 637.

⁴ Там же, стр. 642.

Итак, соблюдение естественных законов означает содействие нормальному течению процесса производства материальных благ. Поэтому Кенэ придает такое большое значение распространению знаний естественных законов. Он требует от законодателей твердого знания естественных законов. „Все положительные законы, которые касаются общего экономического строя страны, влияют на естественный ход годовичного воспроизводства богатств государства. Эти законы требуют от законодателя и лиц, применяющих их, очень обширных знаний и очень сложных расчетов... Следует, стало быть, чтобы законодательный совет и суды, применяющие положительные законы, были хорошо осведомлены относительно влияния последних на ход ежегодного воспроизводства национальных богатств, дабы решиться на издание нового закона лишь в том случае, если знают его влияние на вышеупомянутое явление природы“¹.

Итак, учение Кенэ об естественном праве сводится к следующему. Каждый человек имеет полное право беспрепятственно приложить свой труд и энергию на увеличение своего богатства, другими словами, устанавливается свободная конкуренция. Но право каждого на борьбу за существование провозглашается Кенэ только на основе частной собственности. Такая свобода хозяйственной деятельности является необходимой предпосылкой организации производства материальных благ в согласии с естественными законами. А говоря о „воспроизводстве“ национальных богатств, физиократы имели в виду главным образом земледелие.

На вопрос: „что требуется для благоденствия нации“? Кенэ отвечает: „Обработать землю с возможно большим успехом и предохранять общество от воров и нищих“², при чем успех земледелия осуществляется без всякого вмешательства со стороны государства. Попытки со стороны государства принудительно регулировать процесс производства могут привести к его расстройству. „При заведывании хозяйством и культурой земель какой либо фермы, земледельцы не сообразуются с какими либо иными законами кроме знаний, приобретенных с помощью воспитания и опыта (т. е. изучения естественных законов С. Р.). Положительные законы, которые принудительно регулировали бы режим культуры земель, расстроили бы весь хозяйственный план земледельца и оказались бы тормозом для земледелия; земледелец подчинен естественному порядку и должен, поэтому, соблюдать одни только физические законы и те условия, которые они ему предписывают“³ (стр. 41). Здесь Кенэ

¹ Там же, стр. 640.

² Там же, стр. 643.

³ Там же, стр. 644.

обосновывает необходимость отмены всех феодальных остатков, препятствовавших рациональной организации земледелия. Соблюдение физических законов в земледелии означает освобождение земледельцев от всех феодальных повинностей и государственных налогов, отмену регламентов, стеснявших хлебную торговлю, и улучшение сельскохозяйственной техники. Словом, организовать земледелие, согласно естественных законов, означает переход к фермерско - капиталистическому способу производства по английскому образцу. Поэтому физиократы выступают яркими защитниками капиталистического земледелия.

Влияние физических законов на процесс производства является наиболее очевидным в земледелии и скотоводстве. Отсюда учение физиократов об исключительной производительности земледелия, о *Produit net*.

На вопрос, почему же земледелие производит больше, чем другие отрасли хозяйства, физиократы отвечают, что это происходит потому, что в земледелии человек пользуется силами природы, которые ему помогают производить продукты. В других отраслях человек работает только своими силами, и поэтому производит меньше. Физиократы считают, что земледелие является основой богатства нации, потому что оно производит продукты, которые необходимы для жизни всех людей. Они также считают, что земледелие является основой благосостояния народа, потому что оно производит продукты, которые можно продать и получить деньги. Физиократы считают, что земледелие является основой процветания государства, потому что оно производит продукты, которые можно экспортировать и получить деньги. Физиократы считают, что земледелие является основой культуры нации, потому что оно производит продукты, которые можно использовать для образования и культуры. Физиократы считают, что земледелие является основой здоровья нации, потому что оно производит продукты, которые можно использовать для питания и здоровья. Физиократы считают, что земледелие является основой счастья нации, потому что оно производит продукты, которые можно использовать для развлечения и счастья. Физиократы считают, что земледелие является основой свободы нации, потому что оно производит продукты, которые можно использовать для поддержания свободы. Физиократы считают, что земледелие является основой справедливости нации, потому что оно производит продукты, которые можно использовать для поддержания справедливости. Физиократы считают, что земледелие является основой равенства нации, потому что оно производит продукты, которые можно использовать для поддержания равенства. Физиократы считают, что земледелие является основой братства нации, потому что оно производит продукты, которые можно использовать для поддержания братства. Физиократы считают, что земледелие является основой любви нации, потому что оно производит продукты, которые можно использовать для поддержания любви. Физиократы считают, что земледелие является основой мира нации, потому что оно производит продукты, которые можно использовать для поддержания мира. Физиократы считают, что земледелие является основой процветания нации, потому что оно производит продукты, которые можно использовать для поддержания процветания. Физиократы считают, что земледелие является основой счастья нации, потому что оно производит продукты, которые можно использовать для поддержания счастья. Физиократы считают, что земледелие является основой свободы нации, потому что оно производит продукты, которые можно использовать для поддержания свободы. Физиократы считают, что земледелие является основой справедливости нации, потому что оно производит продукты, которые можно использовать для поддержания справедливости. Физиократы считают, что земледелие является основой равенства нации, потому что оно производит продукты, которые можно использовать для поддержания равенства. Физиократы считают, что земледелие является основой братства нации, потому что оно производит продукты, которые можно использовать для поддержания братства. Физиократы считают, что земледелие является основой любви нации, потому что оно производит продукты, которые можно использовать для поддержания любви. Физиократы считают, что земледелие является основой мира нации, потому что оно производит продукты, которые можно использовать для поддержания мира. Физиократы считают, что земледелие является основой процветания нации, потому что оно производит продукты, которые можно использовать для поддержания процветания. Физиократы считают, что земледелие является основой счастья нации, потому что оно производит продукты, которые можно использовать для поддержания счастья.

Там же, стр. 80
Там же, стр. 81
Там же, стр. 82

S u m m a r y.

Mercantilism is a system of economical means corresponding to the first phase of the development of capitalism,—that is to the epoch of mercantile capital. The activity of the pionners of the capitalistic system consisted in commerce. Therefore mercantilists considered commerce as the only means of becoming rich. «Profit upon alienation» was the fundamental principle of the mercantile system. The mercantilists were the ideologists of the so—called primary accumulation of capital, and therefore they struggled against the feudal landlords who had become accustomed to the unlimited use of wealth, which agriculture gave them.

Mercantilism is not a settled system. It evolves under the influence of economic development. It is necessary to distinguish two principal stages of the development of mercantilism. The first stage is a so—called system of money balance. The second is a system of commercial balance.

Childs and D'Evenants views already contain some germs of a reaction against mercantilism. The development of trade and industry in England have created conditions in favour of the reaction against mercantilism. The representatives of this reaction were Petty, North, Lock, and Hume.

The reaction against mercantilism in France thanks to her social and economic peculiarities took a more acute form.

The thesis: «Profit upon alienation» was opposed by the thesis of the exclusive productiveness of agriculture.

О П Е Ч А Т К И.

Страница:	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
88	14	сверху содействовали приходу	содействовали переходу
93	18	сверху невластно установить монополи	не властно . . . монополию
113	5	снизу недостаток в деньгах	не недостаток . . .
115	14	сверху те колебания	то есть . . .
116	2	снизу „Так как при изобилии денег для представления . . .	„Так как при изобилии денег требуется большее количество их для представления . . .
131	9	снизу меркапиталистическую политику	меркантилистическую
131	4	снизу о „чистом продукте“. Produit net в едином налоге	о „чистом продукте“ и едином налоге
133	3	снизу после слов: „кто имеет мало“ пропущено:	„Ломон подчеркивает, что Буагильбер является непосредственным предшественником физиократов по четырем пунктам: 1) Он первый выступил в защиту свободной торговли хлебом, т. е. в защиту интересов сельского хозяйства. 2) Он доказал, что деньги не составляют источник богатства“.
134	5	сверху господствующую	господствовавшую
143	2	снизу „В деревне“	„В деревни
151	12	снизу Очень интересное сравнение	Очень интересно сравнение

Цена 75 коп.

28075

31к

Аи

